

Александр Вересень

Паломничество

в

Священную Европу

Рисунок на обложке:

Идея – А. Вересень

Нарисовала – Метелик ©

К читателю

Дорогие читатели!

Эта небольшая книга, по сути — дневник паломничества.

Есть три формулы описания странствий:

1) внешняя — технический отчет кто, куда, сколько стоит, что смотреть, фото и т. д. и т. п..

Здесь такой информации практически нет.

2) внутренний — вся книга, которую ты держишь в руках.

3) глубинный — ключ от внутреннего уровня.

Это тайное и сокровенное: в данном дневнике только некоторые намеки на него.

Тем не менее: предложенный Вашему вниманию материал, очень объемный.

Множество ключей и советов, касательно Магии и Мистики паломничества описано довольно откровенно и конкретно.

Хочу предостеречь бодреньких делков от туристического бизнеса и нью-эйдж, которые, возможно, захотят из этого пособия позаимствовать идеи, объяснения, маршруты или ритуалы с целью чего-то вроде «Мистическая Франция» (и мой заработок).

— Не делайте этого.

Все, о чем говорится в книге, представляет собою глубокие, настоящие и потому, в том числе, очень опасные вещи.

Только бескорыстие и чистота позволят вполне использовать материалы данного дневника с пользой.

Любое корыстное употребление, даруемого здесь, Знания, может повлечь разного рода проблемы.

Прецеденты уже были...

Если же Твое Сердце чисто, если Тебя зовет дух Рыцарства, Алхимии и тропления Истины — смело ныряй в пучины предлагаемого опыта, используй свободно все, что сможешь извлечь из этого текста.

Да будет Благо для всех.

Люди больших амплитуд:

эссе о паломничествах и скитаниях

Мы все находимся одновременно «своей» однородной пустотой в общей Пустоте — между ними: никакой разности и различия и в этом смысле мы едем из ниоткуда в никуда (или, если угодно, из всего во все).

В таком апофатическом ключе некуда ездить в принципе, ибо все и всё давно уже приехали, так как вообще не выезжали ввиду того, что пространство относительно пространства не может двигаться — сие: Царство всецелой Однородности...

Однако, имеет место, вторая составляющая этой великой Недвойственности — ключ уникальности каждой твари и в каждом моменте времени.

Все пронизано единством Пустоты, но в наличии — вихри самых разнообразных пневм.

И в данном измерении — есть таки разница чем, куда и в каких условиях.

Беда граждан в том, что они склонны к крайностям: залипание на Катафатике, на аспекте уникальности, порождает разную степень привязанности к смене впечатлений, мест и спецэффектов; прикипание к неподвижности как бы «пустотности», чаще всего кончается тупостью и вялостью.

Формула, более менее, равновесия уникального и однородного подразумевает «желать не желая» — именно из её настроя возможно начало качественного паломничества, или, хотя бы, скитания.

Исходное связано с ясностью, покоем, различающей мудростью и чувствованием «куда ведет»: тогда паломничества и их маршруты проявляются лабиринтом — проекцией самого себя; зеркалом, в котором могут отразиться аспекты твоей чистоты и росчерк огненных узоров уникальности формулы «место — время — человек».

А также — послужить причинами манифестации сущностных кодов, имен и икон личного Сада; в путешествиях, собираются драгоценные ингредиенты, разного рода «огни», которые питая душу, расслабляют её, однако без потери осознанности и вдохновляют.

А где вдохновение и творчество — там нет гнета и усилий, по крайней мере, в их вульгарном виде...

Союз Пустоты и Блаженства: скитание начато и мы путешествуем в ПРОЗРАЧНОМ СНЕ.

Вот Изначалие искусства «течь в долины и восходить в горы», а также — «Пробираться к Иерусалиму»...

Туризм сейчас является неким полем определенных возможностей, но внутри измерения брендов и трендов — потому крайне важно разотождествиться всецело с его стилистикой, ритмами и настроениями, а также веерами целеполаганий.

Если сказать несколько примитивно и жестко, то — «у туриста нет души, он потребитель, и потому не путешественник»; с другой стороны: «если человек скитается с душой, по душе и в душе — то он точно не турист».

Сокровенные смены дорог и паломничества не любят публичности, показа и тяготеют к тайне: отчетам о них не место в соцсетях и в пространстве понта.

Они, в идеале, проявляются безусильно, как бы сами собой или «случайно»...

«Люди больших амплитуд», паломники-странники, уравновешены, им «и так хорошо», путешествие для них никогда не является компенсаторикой напряжений и уродств, и «плывут мирами» они как бы нехотя в странном венке надеяния, в специфическом осознанном забытии («кукла Маша», «кукла Петя» плаваются и рассыпаются в прах, ударяясь в извивы троп и дорог).

Сердца таких скитальцев презрели и попрали суету...

Путешествие пилигрима есть, собственно, сама Дорога (поездка, перелет, пешком) и «Замок» (конкретный город, село, — скитания в природу и их специфику в этой статье мы не будем рассматривать).

А также — ПОДГОТОВКА, с нее и начнем.

Во-первых, молитвенная подготовка и определенная аскеза (также, здесь, практики особых охраняющих Божеств (в случае, если, Ты, к примеру, ступаешь в след Буддизма)).

Во-вторых, в Путь следует брать минимум необходимых вещей, дабы не сковывать себя тяжестью материального мира. Идеально: небольшой рюкзачок — хорошо, когда руки свободные.

В-третьих, имеет смысл еще до перемещения выйти на некую со-волну с тем, куда ты едешь. Так, к примеру, если это Франция, можно почитать Гюго «Собор парижской Богоматери», Гюисманса, Фулканелли или Луи Шерпантье... А также — неплохо взять с собою в дорогу одну или две небольшие книги по теме: важно — не в электронном варианте, а в «плоти и в крови» из листов, букв, смыслов и запахов. Пригодится дневник: красивая тетрадь или блокнот.

ПУТЬ — это трещина между мирами. В случае посещения городов, чаще всего — перелет, или поездка на поезде или авто. В дороге совершенно иное качество сна, имеет смысл быть внимательным к этим погружениям.

Попутчики не бывают случайными: их композиция также несет в себе определенное знание и намеки.

ГРАД:

всегда обладает неким внутренним телом, душою и в мифосе её можно выразить через образ Божества-Хранителя Города.

Оно владеет очень конкретным и упругим существованием, собственным потоком сознания, и связано с Временем и Местом.

Сие Божество и едино и множественно: лучами онога являются различные темпоральные Печати.

Так, в том же Париже, четко различимы две такие Печати: Нотр-Дам и Эйфелева Башня и следует заметить, что тут есть и противоречие, и вражда; и тем не менее, они как-то интегрированы в одно измерение...

Смысл паломничества в Город: как раз общение с его Божеством-Хранителем, проявленном в неповторимом аромате настроения зданий, улиц, парков, местных котов, людей и собак...

Это общение обогащает душу различными видами Тайного Огня и дарует струи вдохновения, попирающего тщету.

Общение с Божеством-Хранителем есть вхождение в некую мандалу, пентакль его свойств и проявлений. Сии тонкие ядра сопряжены с нашим миром посредством ключевых точек града.

Именно определенное общение нас с этими точками, в определенных состояниях с определенным намерением дает возможность «войти во врата» и получить дары.

Некий Крест — его центр очерчен кругом: вот тонкое тело Хранителя. Опишем подробнее.

ВЕРХНЯЯ ТОЧКА КРЕСТА: вокзал, аэропорт — то, через куда мы прибываем.

Первое, что необходимо: убрать суету, войти в качественное присутствие и заметить уникальное звучание нового места — некую слышимую-неслышимую вибрацию.

Объединиться с её настроением и в него прочитать сущностную краткую молитву и выразить благодарность, что «дали сойти на берег».

Если встретятся нищие или попрошайки — обязательно дать им немного денег в состоянии, свободном от оценки их и этого своего деяния.

Можно, продолжая «слушать город», купить путеводитель или попить чаю еще на вокзале...

НИЖНЯЯ ТОЧКА КРЕСТА: кафе, рестораны.

Покушать в каком-то заведении, без суеты, благодаря Хранителя за то, что пустил, как бы поднося ему свою радость от вкуса еды.

По возможности, поесть местные блюда, пытаюсь уловить суть их вкуса, как части общей вибрации места.

В этой, да и в остальных точках Креста, важно проявлять щедрость, в том числе — оставлять, пусть и небольшие, чаевые...

ПРАВАЯ ТОЧКА КРЕСТА: базар или рынок, книжный рынок.

Улавливаем настроение града, торгуемся, общаемся с продавцами, покупаем какие-то мелочи. Сувениры.

Узреваем лицо Хранителя здесь...

ЛЕВАЯ ТОЧКА КРЕСТА: некие моменты познания города, пожалуй, чаще всего — это дух старых улочек и закоулков; башни, ратуши, смотровые площадки откуда видна панорама города.

Легенды и сказания о граде, его основателях, обитателях, пространство иеро истории.

К музеям я отношусь более чем прохладно, ибо там слишком большая концентрация совершенно разнородных вещей, много людей и... словом, — душно; экскурсии чрезмерно мертвы, чтобы на них узреть нечто действительно стоящее...

СЕРДЦЕ КРЕСТА: Храм.

Храм — всегда эссенция, суть града.

Бывают города с одним главным Храмом; если же в наличии лес Соборов — имеет смысл, в первую очередь, идти туда, куда тянет.

Заходим в Храм: без боязни, но и с трепетом, — как в давний родной Дом.

Нежно вслушиваемся всем собою в звучание пространства; не сосредотачиваемся на деталях, но дышим целым.

В это целое изучаем сердечную, спонтанную молитву, которая, вполне может быть и без слов...

КРУГ КРЕСТА: это измерения, где природа вписана в город: парки, озера, реки...

В частности, в этой связи, вспоминается прекрасный, совершенно необычный парк в Каменце-Подольском — водопады, пара лебедей, озеро и скалы...

Сюда же, к Кругу, относятся Крепости и Замки.

Находясь здесь, делаем подношение тишиной, вниманием и вслушиванием в просторы сии...

В целом, входя в Палаты Охранителя, неплохо следить за внутренним Крестом оперативных состояний:

Вертикаль: Ярость — Нежность (огненное стремление дойти до самой самой сути в сочетании с необыкновенной нежностью пробирания «среди первых цветов» (контекст Мистики) и «через тернии — к Розам» (контекст Магии)).

Горизонталь: Желать не желая.
Об этом уже было сказано.

РАЗГОВОР ХРАНИТЕЛЯ:

это некие знаки и символы, передаваемые в ответ Божеством, указующие, куда и когда идти.

Для получения их можно купить местную газету, журнал, замечать вывески, вслушиваться в разговоры окружающих, включить по ТВ местный канал...

Что-то, какая-то фраза, название или событие могут выдернуть внимание и указать на вектор дальнейшего плавания...

В принципе, пройти базовый Крест общения с Божеством-Хранителем, побывав в ключевых точках (при этом, соблюдая внутренний Крест намерений и Видения), лучше в первый день визита.

Если же пребывание предполагается длительным — то в первый, второй, максимум — в третий день.

ДОПОЛНЕНИЯ:

очень важны попутчики.

Лучше всего — если они Твои единомышленники и друзья и вас связывает взаимная симпатия и интерес.

Либо: скитание в одиночку.

Пожалуй, будет мало смысла ехать в тур «галопом по европам» с чужими гражданами и прописанными экскурсиями «кому куда»...

Желательно никого не обидеть и сохранять атмосферу взаимного уважения и почтительной дистанции даже с близкими друзьями в узорах троп и дорог.

ВЫХОД:

со всем почтением и искренностью, поблагодарить Божество-Хранителя, а значит — и всех живых существ этого организованного пространства.

Как-то так, порою, падающий лист одиноких скитаний (а любые скитания — всегда одиноки), может из утонченного развлечения превратиться таки в искусство паломничества.

В — Сказку Странствий.

Франция: входные Врата

Франция: кроме Готики и Романики смотреть здесь, в принципе, больше особо нечего.

Домик Фламелья в Париже...

Храмы.

Этим сказано все.

Агни Парфене на греческом, пожалуй, точно передаст ощущения и дух от первых трех дней паломничества в эту благословенную Землю.

Париж встретил нас холодом и полным безразличием аэропорта.
Автобус, переливы пейзажей за окном, обрывки сна — и вот мы у Триумфальной Арки.

Минуем место сие по-быстрому (не за тем приехали).
Ходьба, сверка с картой — и вот уютная квартира недалеко от метро Св. Августина.
На полках — множество книг: наметанный глаз сразу вырывает Жерара де Нерваля, По и Рабле.

Первый выход, через Елисейские Поля, грузит: да, деревья старые, высокие и красивые, но ничего такого — обычный барокковый пафос классицизма (по отчеству — ампир) усталой и высокомерной столицы.
Сена душна...

Египетский Обелиск первым разрывает вуаль пошлой обыденности и агрессивно намекает, что здесь все не просто так. Чертово Колесо рядом шепчет сказки Десятого Аркана.

Дворцы и музеи, этот мусор самовлюбленных манифестаций жлобства недалеких королей, не интересуют в принципе; нам не стоять часами в очередях и не делать вид, что поражены непонятно чем.

Идем мимо.

И вот, первый Знак: на дверях Лев держит восьмерку Змеи в зубах, последняя впиалась зубами ему в гриву.

Мороз по коже.
Кто-то огненный, похоже, поймал нечто ядовитое и ускользающее. А яд, растворяет?
Точно: не прибавляет.

Щель в плотине пробита, мгновение, выход и... — Камнем Нотр-Дам-де-Пари разносит ее в клочья.

Наша Дама.
Поэма из Камня.
Камень поэмы...

Похоже, Готические Храмы — это печи, плавящие превратности и комки, сгущенности, неблагодатной судьбы.

Они, своей бескомпромиссной агрессией, сжигают весь мусор в вопрошающих душах, — а потом плавят и металлы их устойчивых модусов, закаляют, до устойчивого удержания плода преображенного состава.

Я впервые вошел в Измерение Храма Нотр-Дам: это взрыв.

Нет: не эмоций.
Глубже.

Парадигма, кости связей и структур себя, ломаются, размалываются в порошок и в прах.

О, Готика вообще не мягка: она, без сомнений, связана с Рыцарским подвигом.

Расшифровывать Смыслы и символы Храма такого рода — значит не уважать дождь, ниспадающий мне в глаза, на горгульи и крышу.

Значит, — забыть про Камень, со стихом Нерваля у Башни Сен-Жак.

Забыть про Маяк и Скалу «Звездного Поля», не открыть к прочтению трактаты Фламелья и не уважить молчание серых брыл.

Забыть зверства и ужасы кровавой Французской революции...

Робеспьер хотел разрушить Нотр-Дам де Пари: воистину, такие мысли под силу только демону высокого навного статуса...

Париж...

Чтож, остановимся в этом кадре: Храм Нашей Дамы через бойницы (они же — витражи) глаз летит прямо в Сердце.

До соударения и смешения ритмов остались секунды...

«EL DESDICHAO» — сакрум Парижа

Слово, вынесенное в заглавие, — есть название стиха Жерара де Нерваля, из сборника «Химеры».

Сей поэт, воспетый адекватно в русскоязычном пространстве, пожалуй, только Евгением Головиным, в числе прочего Качества, обладал даром продолжения Линии, в которую входил известный автор «Собора Парижской Богоматери».

У башни СЕН-ЖАК — покоится памятный необработанный камень с вышеупомянутым стихотворением.

«Лишенный корней», «Лишенный наследства», «Отсеченный» — множество коннотаций тут возможно...

У той же Башни существует ряд других «выходов». «Путь в Звездное Поле», Николая Фламель...

Мы зашли в сквер у СЕН-ЖАК: одинокий ворон погнал россыпью стадо голубей, а потом уселся на фонарный столб... на таком же столбе когда-то повесился Нерваль.

Не нам его судить...

Так случилось, что вторым намеком стал 99 псалом, в частности, про познание Бога через особую радость.

Обители Бога яростны.

СЕНТ-ШАПЕЛЬ в наши годы дней сокрытия света также сокрыта: она зажата со всех сторон какими-то зданиями, — какими именно, даже не хотелось выяснять.

Современные французские демоны распорядились закрыть сие восхитительное Творение в тиски пошлой банальности.

СЕНТ-ШАПЕЛЬ.

ЛЮДОВИК СВЯТОЙ.

Жизнеописание данного монарха — честное зеркало для человека, ищущего благородный чин рыцарского служения.

Писать о самой Капелле бесполезно: слова тут вполне никчемны.

Однако, стоит заметить, что пол второго этажа населяют узоры-символы, описывающие путь в Звездные Поля...

Одним из арканов тут есть соотношение продвижения вперед и степень открытия Луча Розы со спины...

ДОМ ФЛАМЕЛЯ:

в нем ресторан.

Но: сохранен фасад — там: символы и тонкое, кристально звенящее, послание Адепта.

Путь Иакова Компостельского, Наша Дама, Дакини...

ХРАМ СВЯТОГО СЕВЕРИНА:

белый нетварный свет падает водопадом слева направо.

Входим: дождь шуршит снаружи, а тут — мягко катит свои волны река прозрачной и тихой мессы. Открывается другой Париж: женщина поет *Parole du Seigneur Jesus*.

Альба, белым сиянием ниспадает на вуали наших плеч; вокруг — Латинский квартал, он обнимает наш Храм и сообщает какое-то особое чувство.

Париж наш.

Современной Европе не принадлежит измерение Соборов, оно — мир Нашего Народа.

СЕН-ЖЮЛЬЕН ЛЕ-ПОВР:

Романский храм примостился в уютном сквере. От Нотр-Дам идем направо (если стояли лицом к нему), минуем мост через Сену и вот — несколько приземистое, мощное сооружение тверди пребывания в Боге.

«EL DESDICHADO» (2часть)

Париж своими новыми улицами, плодом фантазий Жоржа Османа, не часто соединяет в живые артерии фонтаны мест, которые возносят ноты вопрошания к аспектам Истины.

Так, например, центр Помпиду, своей нелепой воспаленностью пытается отсечь нить, связующую Сен-Жак и домик Фламеля.

Ему удается сие не вполне...

Метро в Париже довольно грязное и едва ли имеет отношение к человеческому измерению.

Правильный посыл и подношения местным божествам делают свое дело: струна, серебристым инеем отряхивает пыль с тщеты пребывания в молоке тугой Луны.

Вот она: метро Св. Августина — кафе «Шекспир» — книжный магазин «Шекспир» (там продавец дает следующую наводку: Сен-Жермен (Храм) — белый ресторан — книжный).

Находим.

Две книги буквально выпрыгивают в наши души и в сумку: Жерар де Нерваль и Фулканелли.

Обе на языке оригинала.

ХРАМ СЕН-ЖАК:

поражает своей апофатической суровостью.

Как всегда писать о Храме можно что-либо или вообще, о сути особого его считывания и растворения себя в нем, либо просто нырять в его озеро рыбой открытых чувств.

Кто когда и зачем построил, что там происходило — совершенно пустая информация социо-культурного жанра.

Париж населен мириадами Храмов и они потрясают. Но просто так, их не найти и не связать — помешают ловушки многочисленных стражей порога, в том числе — навей архитектурного пространства.

Второй веер атак на паломника — инспирации уныния, раздражения, ощущения себя человеком второго сорта и гордыни...

Кстати, важничание и чрезмерная скромность — две ноги одного квазимодо гордыни; странствие, повышая градус внутреннего нагрева, зачастую вскрывает множество изъянов и несовершенств души, предоставляя скитальцу великолепные руды, для извлечения из них крох ценных металлов...

О металлах: Эйфелева Башня, вживую, еще более неприятна, чем на картинках.

Так и выстраивается пространство Града сего: один Держащий эманурует себя посредством Нотр-Дам и радуги Храмов; Другой — через шприц Эйфеля впрыскивает в наивные души яд отсечения тонких и тончайших возможностей.

Понятно, наверное понятно, почему повесился Нерваль: трудно, почти невозможно, зреть все эти плоды подлых деяний Филиппа Красивого и кровавые пляски массовых убийств революции.

Руины СЕН-ЖАК — тому свидетель...

Париж удивительно красив, запредельно Нежен, но и отчетливо трагичен.

Впрочем, дабы заметить последнее, необходимо обладать неспящим Сердцем.

Шартр. День первый

Поезд.

Чуть более часа езды из Парижа — и вот он: Шартр опознается по сжигающему всю местность окрест, в своем тонком Огне, Собору.

Он огромен.

Ни капли не похож на Нотр-Дам де Пари...

Местный вокзальчик: не спешим пробегать его — чай, кто-то кофе, булочки — Шартр держат другие божества и духи, он омывает какой-то расслабленной свежестью.

Сразу любишь этот небольшой город: примерно в такого размерах, я родился.

Шартр ни капли не чужой: я вернулся домой.

Эмоций особых нет: кровь городка, кипя улицами и завихряясь их поворотами, сняла сию поверхностную коросту.

Фоток договорились не делать вовсе.

Ванна. Озеро. Дракон охраняет вход.

Наш домик, на улице недалеко от Храма Sent-Aignan.

Находим не сразу: благо, цивилизация — в турцентре дарят карту и отмечают на ней маршрут.

Находим, немного петля узкими каменными улочками.

Интенсивно доброжелательный разговор с хозяйкой — и вот просторная квартира за небольшую плату наша на пару дней.

Удивляет: она сдает нам свое жилье — её книги, вещи, акценты сувенирных росчерков...

Хрен бы я сдал свою хату кому-либо: нельзя распаковывать герметически закрытый сосуд.

Все эта ихняя толерантность, конечно, удобна и выгодна нам, приедем. Но, по моему, не оставляет им места на брожение браги, могущей стать эликсиром.

Вещи брошены, с дороги не мыться (зачем же вот так сразу смывать алмазную пыль Парижа?!), вперед — Нотр-Дам Шартра.

Но.

Не сразу: кафе — легкий обед и подношения радости местным духам и божествам; лавка — артефакт, брелок: щит — лазоревое поле и серебряный всадник, рыцарь (тончайшая Нежность Нашей Дамы, как активатор поля управления и выстраивания узоров порядка).

Знаки получены — пора в Храм.

И хорошо, что выходя из дома, как бы по дороге, еще перед этой жертвой-жратвой, перед каплей артефакта, мы заходим в упоминавшийся уже Храм.

Он живой.

Не болеет.

Потрясающе все: снаружи, внутри.

За алтарем — Дева, место пред Ней помечено Альфой и Омегой; возвращаясь — Образ: распятый Спаситель (справа от него — Лонгин, что с копьем, слева — Дева; Меч и Чаша; два крыла Центрального Сердца Тайного Огня).

Перед входом «А» переплетено со змеей «S».

Что-то понятно, но больше — входит, не знаящим пощады, субтильным Пламенем Готики.

Итак:

НОТР-ДАМ в ШАРТРЕ.

Он огромен.

Снаружи: левая от меня башня — горит (катафатический ключ тонкого Огня Готики); правая мощно проламывает прозрачностью апофатической Немоты Романики.

Середина: Дева и Дитя.

Что вижу — о том и пою.

ВХОД.

Сразу бьет волна, не знаю даже, как назвать-то сие.

Но: Храм болеет.

Он не понят: туристы и местные из Его Апельсина взяли пару долек, — кто для заработка, кто для понту, кто для сопричастия всего лишь культурой...

Храм — Апельсин.

Суть: цвет и вкус, эссенция.

Однако: Апельсин тогда Апельсин, когда он взят в кожуре неповрежденной сферой.

Так осознан и распознан присутствием внутри себя.

Только потом — брать по дольке; любоваться их светом, запахом, кушать, извлекая эссенцию...

Апельсин исчезает в нас, внешнее становится внутренним, уже проявляя нас солнечной Сферой, совершенной Formой.

Так и Таинство слияния (или, вероятно, корректнее, свидания) с Храмом.

Люди же современья ломаются; не чувствуют вуали фильтров; не замечают реторты пространств; потому, так пробегая Храм, уходят почти ни с чем.

ЛАБИРИНТ.

Он должен был замедлить, остудить пыл; снять коросту мирской копоти хотя бы чуть; первый левый поворот намекал, что не Сила суть, а Знание Сердца; что путь извилист и нем; хотя звезды в особые ночи что-то шепчут о главном...

Сейчас ЛАБИРИНТ заставлен стульями: видимо современникам некогда наматывать на себя тихий шепот Храма.

Им кажется, будто вошли...

Края ЛАБИРИНТА вообще обрезаны какими-то реставрационными стенами.

Католики (а Храм как-бы их) как-то странно повсовывали в его огромное чрево кучу всего: Храм больше похож на музей, при котором храм и сувенирные лавки.

Между тем, Шартрский Собор, неиствует.

Он безжалостно проводит Знание: чувствую, как тугая волна незримой радиацией сжигает меня, что-то во мне; особенно атакует лоб и межбровье...

Храм сей невозможно постичь — мы, современники, несчастные, убогие пигмеи, по сравнению с людьми Средних Веков, соборно возведшими сие Чудо из Чудес.

Хожу.

Облучаюсь.

Слушаю.

Восхищение и Грусть.

В горле — ком.

Грусть от степени падения нас, их, европейцев; от того, как мало скитальцев подносят себя этому Собору...

Лавочки вокруг.

Книги: много прекрасно изданных, с картинками. Замечаю старого знакомого — Луи Шерпантье — я читал перевод его труда о тамплиерах; тут, книга о Шартре.

Эх, жаль не знаю французского.

Петляние улочками и вот — опорная база.
Небольшой отдых, пишу дневник.
Но Шартр зовет меня: собираюсь и ныряю в одиночестве в синеватую ткань закатных сумерек.
Иду один.
Улицы пустынно.
Миную Храм Saint-Pierre спускаюсь к речушке: передать уют узеньких улиц не возможно.
Утки, плеск воды, очень редкие прохожие, дуновение ночи...
Иду вдоль реки.
И еще глыба Храма — Saint-Andre.
Его фундамент составляет мощь необработанной скалы — нечто подобное я уже видел сегодня под стопами одной из статуй Главного Храма.
Materia Prima?
— Кто знает...
Кто Знает: тот молчит.
Молчит, объясняя одни загадки, другими.

Вечернее молчание домов, улиц и Храмов завораживает.
Еще пару петель, встреченный местный кот (никаких реакций на мои попытки сущностного общения), Живой Храм слева, поворот ключа и — я снова в квартире.
Спутники спят.
А я продолжаю пряхти тонкую нить собственной судьбы.

Шартр.
Печать Ночи.

Шартр: город вечерних сумерек (день 2)

Шартр раскрывает себя вполне, некой довольно сложно описуемой острой мягкостью, во время, когда вечер ворует солнце и праздные туристы залегают в своих схрамах.

Утром Шартр немного приторный и быстро перегревает рукава восприятия.

Те же улочки и повороты вечером, та же река на изломе дня, совсем по-иному облакивают челн одинокого скольжения в едва различимых следах Великих ушедших...

Утро начинается правильно: приобретенный в Париже артефакт, маленькая металлическая копия Нотр-Дам де Пари, положенная в карман рюкзака, вспарывает мне руку своим шпилем — несильно, но кровь выступает свежим кармином.

Вот мы и побратались: смешно сказать — шпиль Нотр-Дам пустил мне кровь.

Еще с открытой ранкой, чувствуя ее особую проникаемость в среду, захожу в несколько Храмов.

Кровное братание продолжается...

Всем известен, в основном, Шартрский Нотр-Дам.

Тем не менее, Шартр, город Шести Храмов:

1.ХРАМ SAINT-AIGNAN — совершенно живой и исключительно трепетный Собор.

2. ХРАМ SANT-PIERRE — также живой, действующий. Когда мы в него зашли там не было ни одного туриста — огромное пространство, умытое нездешним Знанием.

3. АББАТСТВО SAINT-BRISE — не удалось попасть внутрь, но внешнее тело Его Романики весьма впечатляет.

4. ХРАМ SAINT-ANDRE — исключительно красив и суров какой-то северной чистотой. В его основе — глыба необработанного камня и она скалой нависает над рекою.

Глухо рычащие в середине колонны особым эхом вторят скале.

Участь сего Храма печальна: в нем выставка каких-то картин; то есть местная власть видит в нем галерею...

Сакрум принесен в жертву кастрюле культуры.

5. КАПЕЛЛА SAINTE-FOY — сидели на лавочке, вечер, птицы бродили по газону, собирая крохи остывающего дня.

Тишина обнимала нас, давая понять, что суета праздных туристов вокруг Нотр-Дам, отнимает что-то очень сущностное, донесенное сквозь паутину ночей притаившимся у дороги, Шартром.

Это нечто мы таки обрели у других Храмов: им повезло больше — туристы в разы меньше осквернили их своим извлечением рыхлого невежества из сумки всегдашней скудности...

6. ХРАМ НОТР-ДАМ де ШАРТР:

Две Башни.

Левая от меня — Готический Огонь, — Меч.

Правая — Ключ.

Еще позавчера трактат Фламеля шептал об этом...

Часовня Сен-Пья, за алтарем, своей простой и аскетичной Романикой, возможно, как бы указывает на еще один, противоположный главному входу Ключ — Путь Сущностной Простоты.

Кстати, как раз недалеко, левее вниз, у реки, уже упомянутый Храм Святого Андре.

И если Главный Вход больше намекает на Тройку, то Часовня апеллирует к Единичности и к сути монашеского однонаправленного неотвлечения (кстати, дабы сие претворять в складки повседневья, вовсе необязательно быть монахом — достаточно отречься от мирского и не делегировать собственное внимание пирам демонов и богов).

Храм безжалостно искалечен в новые времена, и это конкретно ощущается.

Особенно, страшно надругалось над Собором посредством двух ударов:

— ПЕРВЫЙ: в 1992-1994 годах некто Гуджи выполнил, как это написано в проспекте, «обстановку для литургии» и её воткнули в центре Креста Храма, в священном месте, где паломник на лепестки нежнейшего Цветка своего Сердца собирал сладкие росы причастия Храмом Черной Девы.

Теперь встать там невозможно...

Но ничего: нас так просто не возьмешь, «A LA GUERRE COMME A LA GUERRE» («на войне как на войне») — я выделил двойника и все случилось.

— ВТОРОЙ: в алтарной части в 18 веке «воздвигли» «группу Успения Богородицы» в приторно-развратной, страстно-приземленной манере барокко, что вообще НИКАК не резонирует с общим полем Храма.

И, невзирая на все надругательства, на толпы носителей «телефоно-фото-аппарата»; невзирая на суету и торговлю в Храме; невзирая на умирающее, слабое поле местных католиков; невзирая на брендрование Шартра; невзирая на световые шоу, — невзирая на всю эту страшную мерзость запустения, Храм все же живет.

Живет.

Страдает.

Он устал от грязи и скверны лиллипутов последних дней...

Храм живет и так же, как тысячи ночей до этого, пускает в огромные витражные Окна свои тихий шелест звездных Цветов; чистое, белесое сияние Полной Луны...

А днем — ярую красноту Солнца.

Апельсин — в правой руке; Лимон: в левой.

Всему — свое.

Дама.

Сидит.

На руках у Нее ребенок, Мальчик.

Невнятный намек на особую, шартрскую, формулу андрогинности.

В Крипту мы так и не попали: нельзя ставить все точки — ведь пусть остается тот магнит, к которому еще не коснулись опилки моих совокупностей.

Вечерние трещины Шартра, я еще вернусь в Ваши каньоны, дабы собирать цветы, разбросанные в камнях.

Шартр в огне. В каком именно огне?

Итак: вечер, точнее, ночь, перед отъездом из Шартра.

Решаю все же сходить посмотреть на процедуру рассвечивания Храма с помощью ультра современных проекторов.

Пару изгибов — и стрела уже знакомой улицы выносит меня к уже родному Храму.

Стоят люди.

Смотрят.

Смотрю и я.

Никогда не видел такого: вся передняя стена, вся передняя поверхность Храма превращена в огромную плоскость, на которую под музыку, проецируются мириады образов и символов, сплетенные друг с другом в логике постмодерна.

Все цвета радуги, аллюзии к алхимическим пентаклям, картины космоса и звезд, какие-то человечки, святые... — и это всего за пять минут, которые я там стоял.

Что-то во мне восхищено яркостью представления, приятно и интересно смотреть на все это.

Но внутренний Страж не спит.

Он все уже успел распознать.
Решение крайне категорично и конкретно, оно не терпит никаких компромиссов:

СМОТРЕТЬ НА ТАКОЕ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ.

Точка.
Поворачиваюсь.
Отсекаю дьявольский искус.
Ухожу.

Дело в том, что, как минимум, на контрасте и по сравнению, после просмотра обычным гражданином такого шоу (а это именно шоу и цель его — развлечь) все вместе взятые витражи Шартра будут смотреться весьма бледно и скучно.

Тихий шепот Храма не может быть услышан в принципе.

У Нотр-Дам де Шартр украли ночь.

Нашу Черную Даму жестоко и цинично насилуют интенсивностью лучей.

Какую запредельную степень гордыни нужно иметь, какой огромной степенью неведения обладать, чтобы разрешить себе настолько брутально и нагло вмешаться в тончайшее измерение Храма?!

Эта, без какого-либо преувеличения, ДЬВОЛЬСКАЯ ПРОЦЕДУРА обесценивает и засвечивает множество глубинных смыслов, заложенных создателями Шартрского Храма.

Тем более она опасна, что сделана очень качественно и однозначно впечатлит, сбив таким образом, возможно начатую отстройку охемы по форме Храма, у пилигрима или путешественника.

Черная Магия не обязательно связана с нечистотами и уродством, — она, вполне и на высоком уровне, может рядиться в белые и цветные одежды.

Здесь, в Шартре и в подобных других случаях, мы как раз имеем подлую, нацеленную атаку, демоническую инспирацию, целью которой есть уничтожение Логоса и Мифоса Готических Храмов.

То, что не сделали орудия войн, совершат чудеса современной техники в союзе с идиотизмом инфантильных туристов и любителей поп-искусства наших дней полного и тотального упадка.

Теперь понятно, почему так сильно Храм стонет днем, почему к восхищению ним примешена необъяснимая горечь, почему Сердце пробито кристаллами слез.

До свидания, Шартр

Никак не оставляет шок от виртуала, отменяющего Храм.

Готический Храм сжигает тщету и дурной рок, а ночное шоу многоцветием борзого виртуала сжигает сам Храм.

Правильно: зачем что-то взрывать, калечить?

Благодаря новейшим технологиям можно все сделать крайне элегантно и как бы во благо.

Просто засветить: ведь кто в курсе, что «лучшее — враг хорошего»?

Таки нашли способ уничтожить возвышающее и просветляющее влияние Готики: спалить ее главные Соборы в страстном и невротичном огне виртуальных шоу. Потрясающе...

Когда много дурного пламени снаружи не возникает потребности пробуждения внутреннего гейзера...

Человек в таких обстоятельствах превращается в слабый, безвольный и вареный овощ, божеством и мечтой которого является Комфорт.

Все больший Комфорт.

Тут, в Европе, во Франции, очень бросается в глаза, конкретная никаковость их стада в сравнении с нашим стадом.

Европейцев всецело девальвировал комфорт.

Цивилизация машин отменила модус и статус человека.

Стремление к тотальному удобству просто уничтожило корень их субъектности и воли.

Характерная парадигмальная деталь: сумки для путешествий здесь уже никто не носит — их катят.

Не дай сатана лишний раз напрячься!

Прогулки в окрестностях Шартра, наблюдение: местные как бы выгуливают своих четвероногих любимцев.

На деле, более ощущается нечто обратное: видится, что собаки, не особо обращая внимание, злостно попирают остатки воли своих «хозяев» и таскают их на своих поводках как им заблагорассудится.

Чтож: мы солидарны с недоволками — такие «хранители» Святынь большего не заслуживают.

«Эй, человека ищу!».

У берега реки, там стояли полки и Храм полыхал на Востоке...

Утро.

Все нормальные люди в это время спят.

Ибо.

Ночь: она содержательна.

Возвышенна.

Собираюсь на поезд — впереди переезд до Мон-Сен-Мишель.

Удивила и улыбнула картинка: одна из центральных улиц Шартра. Надпись о том, что здесь кабинет психоаналитика, довольно много людей ожидает приема.

Книги на полочках в снимаемом нами, доме; толстенный, роскошный том.

Тот же психоанализ...

Вопрос: и на хрена в Шартре, с его шестью Храмами, с этим глубочайшим Знанием в камне, психоанализ?

Ответ печален.
— Не в коня корм.

Европейцы напрочь потеряли даже самое примитивное чувство Святого — религиозность.

Практически никто не крестится, заходя в Храм. На вчерашней мессе в Нотр-Дам де Шартр — не более нескольких десятков человек -ничтожное количество.

Какой-то деятель без проблем позволяет себе на церковную ограду поставить ногу, чтобы завязать шнурки — и это перед главным входом в Собор...

Вот стадии деградации:

1) сначала Храм и Собор для европейцев были важнее жизни — то есть Они — САКРАЛЬНОЕ, СВЯЩЕННОЕ;

2) позже — Они становятся смычкой процедуры и ритуала, то есть — РЕЛИГИОЗНЫМ;

3) последние столетия (или, кое-где десятилетия), Они — просто часть КУЛЬТУРЫ («КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ»);

4) сейчас — часть ПОСТКУЛЬТУРЫ, в которой запредельная Мистерия Распятия Христа не более чем прикольная инсталляция. Храм — проекционная стена и прикольный бренд, а также фон для фотографий...

Как говорится: куда уж дальше.

В Европе религия мертва.

Она, в лучшем случае — часть психотерапии и обслуживает прихоти недолюдей, всецело развращенных Комфортом.

По дороге в Мон-Сен-Мишель

Утро.

Скамейка.

Рядом старая Капелла.

Место, где вчера встречен Ворон.

Я не говорю и не читаю по-французки.

Один из моих спутников — вполне.

Сидим на скамейке, читаем Нерваля: два стиха — уже упомянутый и «Артемида».

Я не понимаю смысла, но чувствую настроение в мелодике звуков воспроизведения.

Она — особая.

Приходит четкое понимание: не знаю как других, но Нерваля нельзя адекватно перевести — можно сделать смысловой перевод и раствориться в переливах реки звучания. Не думаю, что в этом случае будут уместны попытки перевести стих стихом.

Нерваль (я не понимаю слов, а только слышу) на своем языке печально нежен, возвышен...

Потом переводим слово в слово, с коннотационными вариациями: смысл весьма глубок, образы нетривиальны, но что-то сущностное, ощущаемое при чтении вслух — утеряно...

Прощаемся, точнее — говорим до свидания, Нотр-Дам де Шартр.

На паперти сидит местный бомж: ему подают мало.

Дарю ему монетку и говорю мантру — он воспринимает ее как приветствие.

Общаемся через переводчика.

Я ему — о том, что Шартр прекрасен, а свето-шоу пошло и ужасно (мне интересен этот тест социального дна на собственно антисоциальность).

Бомж оказывается по нашим раскладам неправильным, его коллега, алкаш Толик, из моего киевского подъезда в разы осознаннее — он вальяжен и не суетится в разговоре с более успешными мирянами.

Шартрский бомж начинает что-то лепетать о туристическом центре, что нам там помогут и вообще не рубит тему.

Попрощавшись, уходим...

Хай-тек, воплощенный в продвинутые технологии феерично автоматических туалетов и едущих быстро поездов, медленно волочимых, чемоданов, а также — толерантная беспомощность, похоже, своеобразная выжимка из плода жизни современного француза.

Люди здесь, во Франции, в Шартре, доброжелательны и общаться с ними приятно.

Однако чувствуется, что «соль жизни» утеряна и они как-то пусто висят в протяженности их же Декарта без каких-либо ориентиров; максимум потуг — отсылы к культуре и истеричное эстетство, которое, видимо, они зрят некоей утонченностью постмодернового понта оголтелого самовыражения.

Похоже, у создателей Шартра такого рода вопросы и проблемы не снились даже в самых страшных снах...

Истинное Состояние (которое — то и не состояние вовсе) при любых способах войти в Него или в Его Тени (а это и есть самая сущностная Внутренняя Работа) , подразумевает, как всенепременную составляющую, внимательность, то есть присутствие с той, или иной долей усилия (при этом, чем выше оперативная реализация, тем меньше необходимо это самое усилие, а в Истинном Состоянии — вообще его нет, но качество присутствия сохраняется идеально).

В быту обычное базовое присутствие, внимательность, обеспечивается разными модусами воли и воспитуемо агрессивными вызовами среды (в этом контексте можно вспомнить про форму пребывания статусного зека — внимательность там на высоком уровне как раз из-за жесточайших вызовов уголовной среды).

Комфорт защищает от этих самых вызовов и отсутствие такой стимуляции оборачивается неспособностью пребывать в присутствии.

У большинства французов огромные проблемы с этим: многие наши неправильно интерпретируют сие как расслабленность, на самом деле — это невнимательность и отсутствие ясности.

Таким стадом намного проще управлять и эксплуатировать его: не будет ни грамотного сопротивления властям, ни успешных массовых попыток обмануть систему.

Здесь, в Европе, свершилась мечта державы обрести некую аморфную массу, даже не представляющую себе, чем же есть Свобода.

Филипп Красивый и сонм революционеров не зря старались в свое время...

Конечно, и нас, последние двадцать лет обрабатывают подобным способом, но до степени лоховства среднего француза среднему украинцу (русскому, белоруссу...) еще очень далеко.

Не зря статистика одной из важнейших буддистских Общин мира четко показывает, что наиболее активны в постижении Дхармы люди с территории бывшего СССР.

Поезд.

Спутник, знающий французский, читает книгу Шерпантье о Мистерии Шартра. Делится впечатлениями.

Я в свое время читал его труд про Тампль и был в полном восторге.

Книга о Шартре написана в 1966 году, — трудно сказать, есть ли сейчас вот Франции кто-то, подобный Шерпантье по глубине осознания своих же Святынь...

Все-таки, те времена еще помнили страшную войну и её лишения: комфорта было явно меньше и, как следствие — осознанности больше.

Внимательность, как одно из базовых духовных качеств и навыков — крайне необходима и в Пути Магии, то есть дееспособности (как раз здесь аспект адаптабельности к вражеской среде) и в Пути Мистики.

Ведь заходя в Храм мы идем, собственно, за Инспирацией, которая притекает языком тонких и тончайших ощущений, чувств и идей-образов, причем, как правило, в обрамлении демонических (это связано с эмоциями и паттернами восприятия) отвлечений и соблазнов.

И если качество внимательности проявлено слабо — ты просто ничего не заметишь или, того хуже, воспримешь ложное за истинное.

Город Ле Ман.

Остановка.

Пересадка.

Эх, дороги (мысли по поводу, г. Ренн проездом)...

Поезд, скорость... поезд, кстати, похож на большую стальную змею: видимо не всех их прародителей перебили доблестные рыцари в лучшие времена.

Едем в Ренн.

Интересно отношение французов к пространству — уже заметна тенденция экономить его там, где мы привыкли к определенным свободам: переходы на вокзалах непривычно узкие, потолки в общественных местах часто довольно низкие.

Экономия — необходимый и неременный спутник капитализма (если вообще все это можно так назвать).

Еще у этого понятия — родственники в виде «лишенности», «жадности» и подобных приятностей.

Зато избыток там, где он нафиг не нужен: на том же вокзале наблюдаем лифт, который везет пассажиров вниз/вверх аж 3 метра — пройти один пролет лестницы, видимо, здесь сверхусилие.

Счастливые обладатели ездящих чемоданов (и не только они) не влачат ног, а нисходят на ультимативном лифте как и воспаряют на нем же к змеевидным поездам...

Другое место — другие свычаи и обычаи.

Другая парадигма расхристанной судьбы...

Но слава Богу и слава Франции, в окне нет-нет да и мелькает силуэт Готического или Романского Храма, контур Замка или Крепости — душа, сквозь бойницы очей благодарно вбирает родниковую воду из сих источников, возведенных Великими Предками.

Возможно, стоит написать, фантастическую повесть с таким-себе сюжетом.

Филипп Красивый, в свое время проиграл внутреннюю брань определенному классу демонов и эти существа получили его волю и душу как инструмент для войны за свои цели.

Далее — он уничтожает воплощение Центрального Канала сознания Европы — Тамплиеров.

Правый и Левый, Каналы, Иоанниты и Тевтоны в отсутствие Центра иссыхают сами.

Но есть проблема: осталось послание Рыцарства в виде Храмов с присущей Им немирской инспирацией...

В годы Революции многое удастся сделать, в частности почти полностью разрушается Ключи.

Но сил на корню уничтожить все Соборы не хватает и ассамблея демонов принимает решение отвернуть очи людей от их нетварного Света.

На креативном конкурсе демонических гильдий побеждает проект, в котором предлагается эвакуировать Храмы в виртуал, выжигая возможность воспринять их Знание путем создания люмьер-шоу на стенах Храмов.

Что и претворяется весьма успешно в смерть.

Но остались еще одинокие рыцари-монахи, они слышат забытый шепот Храмов и бросают вызов всем Тваням и Навям...

Итак приплыли: Ренн.

Мы здесь проездом пару часов.

Первое впечатление: какая-то огромная стройка пополам с промзоной.

Люди уставшие, будто из них выпили всю воду жизни.

Идем вглубь города — искать Храмы.

Город продолжает научать нас как ужасно жить вне сакральных контекстов: та же всепроникающая опустошенность и усталость. Тормозим местного и вежливо спрашиваем, мол, где тут у Вас Храмы?

Он немного удивляется, возможно, даже, пугается, но что-то не совсем внятно отвечает.

Продолжаем разведку.

Переходим реку по мосту: вода в ней грязная и мертвая.

И вот -первый узнаваемый силуэт... но: Капелла вмурована намертво в какой-то неприглядный дворец (вроде сейчас там ВУЗ); попасть в нее нельзя, но на крыше — довольно большой Кельтский Крест, и это восхищает.

Атмосфера Ренна всецело нерелигиозна.

Идем далее, налево — прекрасный абрис Собора: Церковь Сен-Жермен.
Бретонский Храм с отчетливой нотой Романики.
Заходим внутрь: правильные арки, суровое звучание и... покалеченное
барокковой ерундой внутреннее пространство...
Возносим молитву.

В Ренне находим еще два Храма, более поздних, возле одного -мусорная свалка:
вообще город очень грязный.

Мусоров в Ренне почему-то очень много, во всеоружии грузятся в бусики (уж не
подавлять ли местный пролетариат?); броня их первоклассная: пластиковые щитки
на голени, стопы, колени, плечи, предплечья, куча балончиков, противогазы,
пистолеты и похожая дребедень — но менты все одно не выглядят героями.

Видно: власти не жалеют денег на защитные попоны и разнообразные жала своих
верных псов.

Тем не менее: в их поле — все та же усталость...

Никакое воинское начало не ощущается вовсе: такие же, как и местные, терпилы.

Ренн рассказал нам свою весьма грустную сказку: «ходят толпы людей на людей
не похожих... я заглядывал в лица прохожих — не чужих, не своих»...

Мы увидели Францию вне измерения Храмов.

Это ужасно.

Это печально.

Это безнадежно.

Тщета...

Но мы не унываем — сие марево, не наша судьба.

Мы едем дальше, в Мон-Сен-Мишель.

99 Псалом ведет нас.

У врат Мон-Сен-Мишель

И все же Ренн оказался не до конца безнадежным: при выезде пару симпатичных
каменных домиков улыбнулись нам.

Интересен опыт пребывания в другой языковой среде: по старой привычке
разведчика, в своей стране всегда делаешь поправку на то, что тебя могут
подслушать, — здесь же, общаемся свободно, никто из окружающих не только не
понимает наших разговоров, но и не врубается вообще откуда мы.

Так я узнаю еще одну интересную ипостась воли: не быть распознанным (ценный
опыт для обнуляющего разные системы своей идентичности).

...Избавляться от неуверенности в себе необходимо не путем прибавления
аспекта силы, а способом отсечения этого самого «в себе» (то есть «себя» как
такового) в связке вышеупомянутого словосочетания.

«Себя теряя — обрету...».

Как может быть не уверен в себе тот, кого нету?

Свобода...

Беззаботные странствия с ветром.

Едем: за рулем веселый черный водитель, напевает джаз.

Кстати, о джазе: явно распознается, что это конкретная медиумическая форма внедрения влияний духов и божеств черной Африки.

Франция изрядно почернела и поцветнела...

Проезжаем Бретань и попадаем в Нормандию: уютные каменные домики, пару замеченных по дороге Храмов.

Вместе с бразильской парой пытаемся добраться до отеля...

И... да: Остров со Шпилем уже виден, свежесть Большой Воды Ла-Манша врывается в точку сборки всех чувств, в окно неугомонной обезьянки, которой все так интересно.

Третий глаз(а логика здесь такая: глаза — эссенция всех окон чувств, а 3-й глаз — эссенция собственно глаз — потому жест Крестного Знамени, начинаясь от него ныряет в Тайную комнату пустотного Покоя) продувается ветром — важно сей поток уловить и направить на 4 пальца ниже пупа: так достигается невовлеченность в смену пейзажей и не перегревается чрезмерно восприятие; а чтобы не ловить тупняк и сонливость — подогреваешь упомянутый котел снизу сексуальной радостью (тогда свет искрится).

Это и есть Великое Смешивание.

Около 20 часов (минуя описание ожидания, заселения и т. п.) — мы у врат Мон-Сен-Мишель.

Дыхание Ла-Манша, огромные чайки, покоится в Водах Камень с Огненным Шпилем на Восьми Ветрах.

Небо -правильного угрюмого цвета.

Воды, камни и тучи проникают насквозь друг друга, порождая апофатику суровой аскетики.

В магазинчике обретаю артефакт — монетку с печатью Тампля.

Потом — Церковь Петра: маленькая и подобная чистому кристаллу.

Сам Монастырь закрыт: и хорошо — в объятиях вечера не место суете.

Достаточно постоять у Врат.

У порога.

Слушая печальные стоны чаек...

Мон-Сен-Мишель в одной опции как бы вырастает из дикого камня скал, выходя вначале домами, потом — монастырем и касается Единства Первопринципа своим Шпилем.

С угла другого взгляда — он коагуляция небесной росинки, Слеза Всевышнего, сущностная Капля нисхождения Абсолюта.

В любом случае — манифестация глубочайших Покоя и Простоты.

...Дело даже не в красоте.

Суть Паломничества — собрать два Нектара:

— первый, есть Мифос сакрального Камня (коагуляции Знания) и он постигается посредством чистых чувств вне крайностей страстной привязанности и «вылетания» в объект, а также — вне тупого нераспознавания священной особенности Его;

— второй, есть Логос — или особая композиция совершенно конкретного Знания, выражаемая, в том числе, философски, посредством различных структурных языков.

Когда эти Два Нектара извлечены и смешаны — возможно Таинство Причастия, когда Два становятся Одним.

Серо-фиолетовое небо, мрачные тучи: ночь глотает Мон-Сен-Мишель.
Возвращение в Изначалие Однородности.

В угоду похотливого взгляда туриста Его подсвечивают, развлекаая всех такой красотью...

Но нас сие не заботит.
В нашем сне Мон-Сен-Мишель нырнул в полную и безусловную тьму.
В этот святой мрак Нашей Ночи ступаем и мы.

Аббатство Мон-Сен-Мишель

Остановились мы в великолепном доме: все предельно аккуратно, множество интересных вещей, до мелочей продуманный быт — по-моему, избыточно — детально прописанное уютное горизонтальное бытие.

Хозяйка предельно доброжелательная и очень вкусно готовит.

Но самое главное: в доме том живут четыре замечательных кота и песик, похожий то ли на овечку, то ли на мягкую игрушку.

Роскошь...

Конечно — не аристократическая, но: предельно выстроенный быт довольного жизнью, бургера.

Симпатичен этот мини парадиз, но лично мне не хватает в нем того, что вполне присутствует в Аббатстве — просветленной Чистоты высокой аскетики...

К Ней и направим стопы свои, отряхнув прах круассанов, огромных ванн комнат, а также — множества милых безделушек, с нашей души.

Не хочется забывать, что не стоит строить дом на мосту и фиксироваться чрезмерно в гостинице жизни.

Ветер странных странствий уже надувает потрепанный и выгоревший холст паруса неспящих сердец...

Перекресток судеб, уютный дом на этом пути — идти, не оставляя следов и имен...

И: не оглядываться.

Мон-Сен-Мишель, Аббатство — сегодня на все про все у нас 45 минут: катастрофически мало времени, но до заката мы еще должны успеть преклонить колени в двух Храмах двух различных городов.

Быстрое движение вовсе не означает суету.

Внимание якорится внизу живота и в штурмовом режиме совершается прорыв сквозь вереницы вуалей демонов — внешних и внутренних.

Девять с чем-то утра: мы почти у Острова.

Народу предчувствуется много. Мы буквально врываемся в толпу и проходим ее насквозь — носители телефоно-фото-аппаратов обтекаются стремниной восхождения; мы как бы штурмуем Святую Гору, прорываясь сквозь толпу неверных и их рабов.

Архангел Святой Михаил — полководец небесного Воинства, победитель Дракона, покровитель рыцарей, Хранитель Божественной Меры.

Весы и Меч.

Наш подъем соответствует штурмовому воинскому духу: мы вознаграждены — туристы-фотоаппараты безнадежно отстали внизу, и мы почти без множества спутников обходим все...

Архангел Михаил побеждает Дракона...

Отправляясь в паломничество, уж лучше оставь свою гордыню, не следуй за ощущением, чувством и концепцией собственной правоты: «ты — НИКТО, и зовут тебя — НИКАК».

Ничего личного — отсечь паутину собственного мнения.

Предельно Нежно и откровенно Яростно войти в пределы Истины...

Паломник, особенно в группе, часто искушаем трудностями дороги, атакуем демонами уныния, раздражения и самолюбия.

Не стоит с этим всем бороться — насилие над собой только уплотнит структуры эго; необходимо категорически не делегировать свое оперативное внимание в эти модусы ошибок и отвлечений.

Продолжать смотреть сквозь все, будто оно ПРОЗРАЧНОЕ и кристально ЧИСТОЕ, туда, во всеполную Истину.

Болячки эго понемногу отвалятся сами собою...

Вот какой-то такой удар Знания знаменует мой вход в Храм Аббатства...

Что тут сказать, что написать...

Молчание.

Храм тотально чист: он — Корень Рыцарского Достоинства и Благородства; распознаются ростки незнакомого ранее в таких деталях, активного андрогината.

Обхожу Храм три раза, ступая в след древнему Воинскому ритуалу: Проход Нежности (по кругу в одну сторону), Проход Ярости (в другую) и Центральное Поклонение сущностного Андрогината.

Этот Храм вообще не изучен, все на своих местах, и все детали прохода и стояний можно сотворить как полагается...

Невзирая на интенсивность, предшествующую вхождению в Храм, здесь все остужается, замирает, омывается Водами Небесного Иерусалима.

Я, оперативно, насколько позволяют способности и радуга качеств, становлюсь Храмом и смиренно уповаю, что Храм также стал мною.

Время провисает внутри времени, минуты расходятся эхом столетий: нетварный ожог...

Победить Дракона, в том числе — расслабить гордыню, ибо сломать ее невозможно.

Прозрачные, субтильные цветы Храма нисходят Снегом, какого-то непередаваемого цвета — эмоций вообще нет — чувства как-то прозрачно умыты и промыты...

Проявляется точка отсчета того, чем есть Путь Воина-Монаха.

У меня нет восхищения: из знания наличного состояния эманурует какая-то пресность: она почти лишена свойств, но не скучна и вне молочной тугости тумана ложного постижения Пустотности.

Продолжаем путь...

Внутренняя монастырская галерея являет Таинства Нашего Сада...

Трапезная обладает очень высоким потолком: здесь в полном апофатическом молчании монахи принимали пищу, а в это время с кафедры один из них читал святоотеческие наставления.

Хлеб: Тот и Этот сливались в Единое Вино Причастия.

Залы, переходы, бойницы и стены...

Крипта больших колонн: здесь обитает статуя Нашей Девы...

Мон-Сен-Мишель — эманация Небесного Иерусалима и ствол Древа, соединяющий Корни Небесного с Ветвями Земного, рыцарства.

Крики чаек, печаль, контражур суровых и мощных стен.

Моя Родина.

Знаю сие точно.

Расставаться с Аббатством не жаль: оно навсегда впечаталось в мое Сердце.

И, кроме того: я сюда обязательно вернусь.

Я это знаю.

Мон-Сен-Мишель, Ренн, Руан (сидя в машине)

Странствие, от слова «странный».

Странствие не имеет ничего общего с туризмом — последний, не более чем переброска по тоннелю соответствий из одной статусной точки в другую с неизменной лже коагуляцией в виде акта фотографического онанизма.

Странствие подразумевает множественные онейрические ландшафты: предчувствий, преодоления «ловушек дорожных демонов», собственно «вхождения во врата», послевкусия и «добычи эссенции».

Странствие похоже на зеркало, отражающее в усилении как наши достоинства, так и уродства (в смысле — препятствия).

Путешествуя в другой стране, часто сталкиваешься с не совсем приятными для эго процедурами, раздражающими нестыковками; у неопытных паломников перегружается восприятие, как бы перегреваясь от впечатлений.

Последний момент связан с их неумением не улетать в привязанности к красоте вслед за обезьяной своего ума; если что-то знаменательное предстало очам — стихия животного и робота заставляет прыгнуть привязанностью в объект и концептуализировать его рядом ярлыков.

А поскольку таких привлекательных объектов много, они разные — обезьяна скачет конкретно.

Результат: сначала — восторг, потом — перегрев, позже — эмоциональный откат (негативные эмоции), под занавес — опустошенность и усталость...

Так происходит всегда, когда человек живет похотью эмоций, пусть и обращенных к святой Красоте.

Эмоциям, как отдельной значимой фигуре, не место в паломничестве: они обеспечивают общую витальную энергетику и совсем не обладают отдельным смыслом и ценностью, ибо есть Прелесть.

Очищенная апофатикой, свежестью Пустоты, иллюзорность прозрачных чувств — вот база Мистического подвижья.

Для большей конкретики, для ориентира, отмечу, что даже классической музыке типа Баха, Вивальди и Альбини — место не в Храме, даже — не у Храма: но в харчевне (контекст кормления и облагораживания токов жизни).

Дороги, автобусы, поезда-змеи, химеры снов, пешие переходы, разговоры, сближения и отгораживания, сорадость и раздражение друг другом, артефакты-сувениры, люди, лица, другой язык, короткие тренировки — все сливается в один мега сон огромной Иллюзии.

Все пусто...

Все дышит насквозь...

Зацепиться невозможно...

Уповать на Истину.

Все в руках и по воле Бога.

В странствиях, сии максимы несколько приближаются и на них наводится резкость.

Мои эмоции, на самом деле — не мои эмоции.

Нашел — не радуйся; потерял — не плачь.

Не относись серьезно к своим запыленным витражам, не кумирствуй и не потакай своим переживаниям.

Наблюдай.

Наблюдай, как Храм Аббатства сотни лет наблюдает за всеми нами.

Наблюдай, как серые воды Ла-Манша есть преддверие Океана.

Наблюдай...

Опять Ренн — в этот раз он почему-то чистый, метро значительно чище парижского.

Садимся, едем, лента дороги...
Пот — часть крови, а она, носитель Огня.
Я вспотел во время штурма Мон-Сен-Мишель, фиолетовая футболка с образом тигра мокрая до нитки.
Хорошо.
Птица моей крови билась о стены Аббатства, как-то мы сроднились так...

Транспорт здесь означает комфортное висение, дорога как усилие, при должной позиции внимания, не ощущается.
Пишу свои заметки, тыкая перстами в стекло телефона.

Нормандия, Мон-Сен-Мишель, — суровое, хмурое небо и множество камней. Они упали с неба и уже не торопятся...

Первородный Грех почти отменен.

Пару слов о Ритуале смиренного Слияния с Храмом.
Готический Храм, в плане, — Крест в Круге.
Есть Точки Стояния и Плавание Чистыми Водами.
Зашли.
Первая Точка Стояния.
Собрали Делание по Триаде.
Далее — есть Три пути: Налево, Направо и по Центру.
В зависимости от различных контекстов, могут быть разные трактовки Левого/Правого Пути; чаще всего — Левый — Мужской...
Первое Плавание — по одному из Путей по полному Кругу с Точкой Стояния в дальней позиции (напротив входа).
Второе Плавание — аналогично, в другую сторону.
Третье — приход в центр Креста.
Стояние.
Четвертое — выход к Алтарю.
Стояние.
Пятое — возврат в Точку Врат.
Стояние
Потом можно перейти к ознакомлению с Храмом в режиме дискретного сознания (однако, якорь внимания внизу живота остается).
Весь же Ритуал выполняется РАСПАХНУТО.
То есть сознание-чувство-тело деконцентрированы в объем Истины через приятие Храма и гирлянды Его Тел как своей оперативности «здесь-бытия».
Чем сильнее эго, то есть тело концепций, идей, правоты, эмоций и неуправляемых животных страстей — тем сложнее конкретно попасть в Храм, даже находясь в Нем.

Еще раз:

«Себя теряя — обрету:
Душа вольется в Пустоту
И Сокровенный Тайный Свет
Наполнит Знаньем омут лет».

Мон-Сен-Мишель — «Могильная Гора».

Там умирает эго: говорим «эго» — подразумеваем «гордыня».
Создавший условия для умирания своего этого «я» и есть Воин, и есть «ступающий в след Архангелу Михаилу».

Когда мы покидали Аббатство, хмурое небо низошло несколькими каплями неуверенного дождя.
Сильно запахло морем.

Из Руана в Амьен

Начнем с ниточки Святой Горы.
Запомним еще одно, очень важное для нас имя:

ОБЭР, епископ Авраншский.

Ему трижды являлся Архангел Михаил и повелел возвести на Горе Мон-Томб Храм.
Что и было сделано...

С этим именем, нащупывая сквозь толщу веков, ниточку Связи, моля о Передаче, я приближался, вместе со своими спутниками, к Руану.

Светлая Грусть прохладным дождем орошала мое измерение.
Душа будто пила что-то прохладное, похожее на ключевую воду.
Нормандия оставила глубокий след и звала вернуться еще и еще.

Крик одинокой чайки...

Приливы и отливы в бледных лучах Луны.

Весы и Меч: я понял, что значит гавань Встреч.

Столетняя Война (1337-1453) стала для Франции карой, следствием попрания Ордена Тамплиеров.

Именно эта война была одним из рубиконов отсечения Светлого Средневековья и перехода к душному мраку Нового Времени.

И Святая Гора выдержала все осады и превратности упомянутой войны, подобно герметическому, запечатанному, Сосуду, сохранила в себе драгоценное Знание.

Ужасна и омерзительна Французская Революция, которую почему-то называют Великой, - такое имя уместно разве что в связи с количеством жертв и размахом разрушений.

Во время этих дьявольских событий служение Богу там запретили и осквернили святые стены тюрьмой, которая существовала тут до 1863 года...

Я счастлив, что не француз.

И еще более счастлив — что есть Франция и её великие чудеса.

Вот, поразмысль, по поводу кто, где, куда и зачем:

- ВЕЛИКОЕ ВИДНО НА РАССТОЯНИЯ;
- НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ;
- ЧТО ИМЕЕМ — ТО НЕ ЦЕНИМ;
- ЧЕМ НОЧЬ ТЕМНЕЕ — ТЕМ ЗВЕЗДЫ ЯРЧЕ;
- СЕРЕДИНА ПОЗНАЕТСЯ ЧЕРЕЗ КРАЙНОСТИ, А ВЕРХ — ЧЕРЕЗ НИЗ...

Прожив сии фразы, чуть более понимаешь нечто в Искусстве Странствий.

Сокол — паломник: этот образ как-то связан со Святой Горой — странное дело, где-то за пару недель до поездки я подобрал раненого сокола, которого нашел на окраине своего родного города и почему-то наше фото показал сегодня гостеприимной хозяйке и соседям, паре из Бразилии...

Едем мы едем, а водила и его сосед уже 30 минут слушают по радио трогательную передачу (со всеми делами, звонками в студию, комментариями экспертов) о, тут внимание, о толерантности к фрустрации, связанной с сексуальными отношениями.

Возникает вопрос: как можно, имея такое НАСЛЕДИЕ копаться в дерьме психиатрии и примитивизме психологии...

Но: опять приехали.

Руан.

Яростный Руан

Город.

Первое впечатление — вон он, Собор.

Почему-то издали шпиль определился металлическим и это не понравилось, будто шкрябануло железо по стеклу.

Импульс Архангела Михаила оказался весьма огненным и в Руане градус зашкалило.

Мы не знали как далее уехать в Амьен, думали сделать это позже на автобусе — марш-бросок по прямой как стрела улице Жанны Д'Арк в поисках автобусной.

Оказывается, сегодня уже автобуса нет.

Бегом назад на ж/д вокзал, берем билеты — и в запасе на весь Руан с Его Храмами у нас всего 1 час 15 минут времени.

...Если ты ждешь от Пути только приятного, не желаешь дискомфорта и боли — «оставь надежды всяк сюда входящий»; про всякие-разные алхимические этюды приятно и интересно читать, но никак не проходить их.

Главный Храм Руана ПОЛЫХАЕТ.

Похоже — Он связан именно с преобразованием огня, посредством Огня в Огонь же.

Как базовый ингредиент, пожалуй, Ему соответствует ненависть, переплавляемая в Синий Огонь Мудрости.

Быть может, различные Храмы, держат разные аспекты Истинного Состояния, метафорически говоря, представляют собою дольки огромного Апельсина, сами, внутри Него, являясь Апельсинами.

А может и / или Они есть некая последовательность Арканов, каждый из которых прожигает (если есть соответствующий контекст и сила запроса) ряд аспектов определенной Линии Передачи и открывает неофиту его же...

ЗЕРКАЛА.

Так или иначе, но первый час пребывания в Руане и бегания грязной улицей в поисках транспорта, наполнил наше соборное поле достаточным количеством вульгарного огня.

Наконец все куплено, летим к Храму.

По дороге минуем огромный Донжон, тоже, как по мне не обделенный пламенем.

Первый Храм, замечательный, но закрыт.

Во втором — стыдно сказать, музей.

Сегодня для Руана много Храмов, их переделывают на музеи.

А в музеях, что?

Кладбище вещей.

Наконец — Главный Храм.

Огромный.

Он весь Горит.

Полыхает Пламенем.

Он просто переполнен яростью тонкого Огня.

Заходим.

Совершаем базовый Ритуал: не взирая на всю беготню Собор входит.

Его субтильное облако проникает в нас...

И опять, слышно, Храм то ли плачет, то ли безуильно молчит-рычит этим персонажам «Машины времени» Бредбери.

Персонажи глухи, слепы, их даже не хватает на бытовую грубость — они только фотографируют и фотографируют.

Иступленно.

Собор сей покалечили: в нем выставка колоколов, картин какого-то креативного нехорошего человека (а разве хороший человек выставит свои, ни разу не на религиозную тему, работы, в Храме?), закрыли доступ в Центр Креста...

Он болеет, как и Шартрский Нотр-Дам.

Смотря на все это, понимаешь, для европейцев их Величайшее Наследие Храмов, не более чем музеи, культурные артефакты.

Сердечное чувство Божественного, ними, в массе, всецело утеряно.

У нас, на Украине, хоть и ходят в Церковь, в основном, из серии «Богу — свечку, черту — кочергу», но в целом, пока что, не сравнить степень деградации с упадком Европы.

Еще находим один замечательный Храм.
Он тоже закрыт.

Быстро покупаем еду — и на поезд.

Почему-то я обнаружил свое присутствие как Синюю Полыхающую Ваджру.

Окно захлопнулось, огненный сквозняк Руана прервался.

Там было что посмотреть, но мы, скорее ощутили.
Кто знает, может так и лучше?
Искреннее?

А под Храмом, справа от входа, крутилась, блядь, пластиковая карусель. И на ней молодые европейцы, через интегральный опыт своих хилых тел, познавали всецелое отсутствие Святости.

Познавали Долины Скорби... хоть им и, в порыве усталого животного ветра, было, как они сами это изрекают, «прикольно».

Мы уходили.
И нам уже не было жалко их.
Мы горели Синим Огнем нездешней Ярости.

Добрый вечер, Белый Амьен

И вот, около 20.00, поезд-змея подполз к Амьену.

Выходим.

Волна какой-то особой нежности окутывает нас.

Не спешим: на вокзале попиваем капучино и не торопясь беседуем.

Оказывается, в Руане судили и казнили Жанну Д'Арк — это, для меня многое объясняет.

В Амьене был некто, Петр Пустынник и миф приписывает ему проводимость особой Инспирации — он вдохновил рыцарство на Первый Крестовый Поход...

Заселяемся в отель и по уютным улочкам, в обнимку с синим вечером, скользим к Храму.

Первое Впечатление: Ковчег.

Огромен.

Нежен какой-то особой, сущностной Женственностью, и бел, отдает голубоватым сиянием.

Легко вознесен и парит.

Внутрь не попадаем и приветствуем Храм с площади.

Гуляем дальше: приятная деталь, книжный, работает до 23.30, смотрим книги. Их очень много.

Три мусора без особого успеха пытаются упаковать пьяного старого бомжа — это, конечно же (имеется ввиду немощь блюстителей закона) не может не радовать нормальных, хороших, людей.

Радуемся и мы.

Вечером пивнухи полны, многие на рогах.

Еще одно открытие — на вокзале покупаю воду и шоколад в автомате: хай-тек, все ездит, дает сдачу, выдает покупки.

И зачем им Храмы, когда такая развлекуха в быту?

Четко понимается: Европа мертва.

Черви копошатся в её труп, не особо обращая внимание на нательный крест почившего.

Аврора. Амьен. Альба

Ночь...

Город замирает.

Слышны только крики пьяной молодежи.

Мы живем в 5 минутах ходьбы от Храма.

Засыпаю и чувствую мощный тугой прозрачный поток, идущий от Собора: он вращает меня, он играет мной как кленовым листом.

Из одного сна ухожу в другой...

Утро.

Идем в Храм.

Может показаться, что в своих дневниках я часто как бы выношу суждения по поводу местных.

Это не так.

Суждение подразумевает вовлеченность и озабоченность. В моем случае нет ничего такого: судьба французского менталитета и духовные контексты местных граждан меня не волнуют.

Я приехал к Храмам.

Из этого исхожу.

Мы приехали к Храмам...

Местные реалии описываю, отталкиваясь от сего, мирские контексты бытия мне безразличны в принципе.

Описывается фон, пейзаж: конечно, - в определенной мере это влияет на качество трепетного общения со Святынями.

Вроде бы можно и нужно благодарить европейцев за то, что они донесли до нас сие Сокровище Соборов и Аббатств.

Можно...

Можно, так же, как благодарить ребенка за то, что он свою старенькую маму, в принципе не бьет, кормит, поит, но притом — запрещает ей молиться, набил множество (приятных себе) тату и заставляет её слушать не ее любимую музыку, а свои предпочтения.

Более того, ребенок сей время от времени, её таки избивает: пример, в Храм Руана в часы Второй Мировой Бойни союзники попали семь раз бомбами, шесть из них взорвались.

Храмы имеют свой Мифос и Логос, более-менее зная их, четко ощущаешь, что уместно по отношению к Святыням, а что нет.

Конечно, если цель — приехать, поглазеть на витражи, поохать и поохать, а потом разразиться фотосессией — то нет проблем, все о'кей.

Но ежели мета — войти в Измерение Храмов, то все по-иному.

Сохранить тело Наследия — это то одно.

Сохранить душу Наследия — совсем другое.

Тело Наследия худо-бедно охранено и донесено, чего вообще не скажешь о душе: в этом вопросе наблюдается не просто грубое неуважение, а прямая агрессия мирской брутальности в отношении соборного Грааля Наследия.

Храм.

Подходим.

Воспаряющая Аврора нисходит дождем Альбы.

Собор возвышен и посвящен так же Нашей Даме.

Ритуал здесь выполнить вполне нельзя: Центр закрыт.

Культурная жизнь кипит, французы готовятся к концерту, стульями заставлен Лабиринт, и у входа — рояль.

Свободны только боковые проходы.

Делаем, что можем.

Центр Креста, также как и в Шартре, занят сценой для попа.

Барокковые опухоли и нелепые картины (правда, религиозного содержания) в достаточной мере насилуют охему Храма.

И тем не менее — Собор возвышенно Жив.

Смирненно исходим вопрошанием Передачи.

Что-то происходит.

Тактико-технические характеристики (длина, высота, толщина и т. д.) не важны вовсе.

Самый высокий, не самый высокий — какая, на хрен, разница?

Важно совершенно не это...

ЛАБИРИНТ: Собор в Амьене обладает Ним.

Ранее, паломник, именно посредством Лабиринта, отстраивал свой внутренний ритм в соответствие ритма Храма и его Знания; он срывал с себя посредством Тонкого Огня стен Лабиринта грязные одежды мирской вялости, хоть немного

попирал неведение, уходя таким образом из плена Злого Демиурга хотя бы на время.

Повторюсь: Лабиринт закрыт культурной ерундой, там музыкальная площадка. Зато в киоске при Храме продаются книги типа «разгаданный лабиринт», открытки по евро с этим самым лабиринтом и книжца-развлечение на сию тему за 3.5€.

Не мудрствуя лукаво, европейцы банально зарабатывают на своих Святынях (хотя, наверное, уже, скорее — на наших).

В Амьене не один Нотр-Дам.

Мы проходили мимо замечательного Готического Храма, но ограда была закрыта и внутрь попасть не удалось.

В Амьене легко дышать.

Семь рукавов реки Сомы, относительная близость океана, север — в конце концов.

Город довольно чист, множество маленьких приятных улочек...

Собираемся в дорогу, пакуем рюкзаки: поезд-змея, пересадка в Париже — и далее, в Реймс.

Колесо иллюзий продолжает свое вращение.

Великое Смешивание.

Три «А»...

Через Париж в Реймс

Пересадка в Париже, переходим с Северного на Восточный ж/д.

Ничего такого: вальяжные черные парижане, вяловатые — нечерные, идут, ползут, тянут чемоданы на роликах...

Кстати, о роликах и чемоданах.

Многие скажут: а что тут такого — удобно же.

И далее в мощи своего титанического размышления не продвинутся.

Тем не менее вопрос, а зачем удобство как таковое, да еще в таком количестве, и в таких контекстах нужно вообще?

Ответ будет интересен: он сейчас априорен — потому что так.

Так дано.

Дано Божеством КОМФОРТА.

На самом деле, удобство, как и все остальное — и яд, и лекарство: все зависит от дозы и получателя, а также — от диагноза и контекста.

В Европе явно перегнули с дозировкой, степень нормативного Комфорта тут такова, что с большой долей вероятности разрушит волю (размягчит её) и не создаст предпосылок для формирования базового, адекватного природе и выживанию в ней, активного тренированного внимания.

Короче: напрягаться, дозированно напрягаться просто необходимо — у нас в наличии тело, а его воссоздают и расслабление, и напряжение.

Более того: качественный отдых невозможен без определенного предваряющего напряжения.

А быт — это одна из трех баз Делания.

Потому, да, если ты, к примеру, болен и тебе нельзя таскать тяжести — то и вези себе свой чемоданчик.

Но ежели, более-менее здоров, намного больше будет пользы понести.

И тут дело даже не в чемоданчике и колесах, дело в определенном паттерне отношения к жизни.

Принцип «чемоданчика на колесах» распространяется европейцами на все.

Потому-то у них в Храмах ставят рояли, вешают картины и вообще всячески и разнообразно отдыхают.

Конечно, наверное, где-то существуют обломки Той, Другой Европы.

Однако так, в быту, в повседневьи, их так просто не обнаружишь.

Мне все более понятно почему пару лет назад писатель Доминик Веннер застрелился в Нотр-Дам де Пари: если не провести операцию отделения от сообществ и общин, остаться в оперативном единстве с соборной душой своей державы (в данном случае, Франции), пожалуй, боль и отчаяние от степени её деградации будут невыносимы.

Я, худо-бедно сепарировал себя от общин и сообществ, нации и их судьбы меня более не волнуют, апеллирую к конкретным людям без посредства местечковых Демидургов и, тем не менее, подвиг Веннера вызывает восхищение и глубочайшее уважение.

«Последний Француз» — думаю, под таким заглавием должна выйти книга о нем...

Реймс — Храм Инициации Королей

Поезд-змея все мчится, умное табло показывает иногда 311 км/ч, но сие вообще не ощущается: просто сидишь себе, а пейзажи улетают за окном.

Около 14 — и мы пребываем в Реймс.

Выходим.

Пространство неподвижно возвышено.

Чувствуется какая-то Ось.

Садимся в вокзальном ресторане, пьем капучино, я впервые заказываю белое вино и посвящаем радость от всего этого местному Божеству-Хранителю.

Проходим привокзальный парк, высокие деревья, зелень, пару шагов — и мы заселяемся в отель.

Все цивильненко.

По-быстрому, то, се и идем к Храму.

Улица прямая, пять минут ходьбы — и вот первый встреченный Храм: СЕН-ЖЕРМЕН ДЕ РЕЙМС.

Заходим.

Чудо.

В Храме — никого, все чисто и умыто, сцена для попа сдвинута чуть ближе к алтарю — можно встать в Центре Креста.

Проводим полный Ритуал: проход Воды, проход Огня и проход Центрального Столба.

Что-то тонкое и незримое нисходит в мою душу...

Служительница Храма, наблюдая все наши маневры, видимо, удивляясь тому, что мы, во-первых, в принципе крестимся, а во-вторых, как-то медленно, с расстановкой, - зовет нас и затевает разговор.

Наверное, определив мою скромную персону как главного, по моему внешнему виду судит о всех (а на мне — сильно выгоревшая однотонная военная куртка, такие же выгоревшие широкие штаны неуверенного фиолетово-синего цвета, футболка с изображением рыцаря в шлеме, плюс горные ботинки).

Чуть не плачет: говорит мы (мол весь цивилизованный мир) с вами (то есть с нами).

До нас доходит: она решила, что мы из Сирии.

Дает нам кучу газет (потом оказывается, что они, в основном, про педофилию и про «как плохо всюду и как хорошо в Европе»).

Мы говорим ей, что, мол, с Украины.

Она отвечает, что это одно и тоже...

Веселые и довольные такой высокой оценкой местной религиозной бабушки, следуем далее.

Центр.

Куча бутиков.

Народу — море: колыхаются из магазина в магазин.

Суета, движуха...

Но за всем этим мощно и глубоко звучит Благородная Нота.

Ориентируюсь на её маяк.

НОТР-ДАМ ДЕ РЕЙМС.

Собор Коронации Французских Королей.

Его правая и левая Башни симметричны, впервые, с Нотр-Дам де Пари.

Может, подразумевается уже данная андрогинная уравновешенность Короля, как Фигуры, связующей Небо и Землю.

Эти две Башни ощущаются Вратами в Тайну, а вход — утробой, в коей может вызреть нечто иное...

Пространство Второго Аркана, Врата Изиды...

Собор реставрируют из вне, снаружи.

Сцена для попа, конечно же закрывает Центр Креста, но в целом, Ритуал выполнить можно.

Охранник замечает наши многочисленные проходы, зависания в ключевых Точках, но подойти таки не решается.

Храм сей очень силен.

Что-то очень конкретно входит в меня через лоб; волосы, время от времени, встают дыбом; также, порою, на мне зажигается огненная корона — будто танцует и холодное синее пламя.

Ком, то и дело подкатывает к горлу, эмоций нет, - проявляется глубинная непоколебимость.

Приобретаю артефакт: маленькую фигурку Святого Антония.

...Стоял на месте Крещения Хлодвига в 496 году: четкое ощущение нематериальной алмазной колонны, уходящей в бесконечность.

Тайным Дыханием Великого Смешивания ставил печать...

1226 год, 29 ноября — в этом Храме коронуют Того, на Кого все мы уповаем, смиренно ступая вслед — Людовика Святого.

Ему всего двенадцать лет...

Здесь же: след великой Святой — Жанны Д'Арк.

(казнили ее в Руане, может потому нам было так мучительно там...).

Когда-то в Храме жил свой Лабиринт, служительница, отвечая на наш вопрос, рассказывает, что его разрушили в восемнадцатом веке.

Печально...

Видимо, враги знали и знают, что и зачем делают, уничтожая Сакрум Соборов.

Обходим Храм вокруг.

Прямо перед площадью, в каких-то десятках метров от входа в Собор, я насчитал 24 пластиковых стенда по обе стороны от пути, ведущим в Храм.

На всех, надписи, касательно роботов, типа:

— будет ли у роботов этика;

— доверите ли вы ребенка роботу;

— какую религию выберут роботы...

...и далее в том же духе.

Что еще можно говорить о современных европейцах, «украшающих» путь к Храму таким способом?!

Идем улицами бутиков, покупаем что-то к чаю, кушаем кебаб...

Ком в горле не уходит, светлая грусть и восторг от контакта со Священным сливаются воедино.

Перед мысленным взором разворачивается панорама бытия Людовика Святого, пламенный магистерий Жанны Д'Арк, деяние Жербера (известного после под именем Сильвестра Второго), нити жестов Святого Реми...

Храм.

Наша Дама.
Её верные Сыны и Дщери...

Врата все еще открыты:
«блаженны плачущие, ибо они утешаться».

Я плачу.

Реймс. Вечер. Трещина сумерек

Вечер.

Около 20.30.

Ком в горле и ноющее ощущение в груди собирают меня — иду к Храму.

Сам.

В одиночестве.

В городе шумно, все что-то едят, пьют, громко и раскованно разговаривают.
Как муравьи или пчелы.

Я иду к Храму, выхожу на площадь перед ним — пусто. Никого.

Только: я и Храм.

Что-то, похожее на узнавание давно утраченного неким тончайшим серебром
стекает ко мне, тянет за душу куда-то.

Печаль.

Светлая Печаль...

Храм Нашей Дамы.

Реймс.

Трещина сумерек.

Реймс. Ночь

Храмы, посвященные Нашей Даме: Париж, Шартр, Руан, Амьен, Реймс...

Сегодня как бы обрел полноту, какой-то Цикл Передачи.

Пятерка.

Важны не только впечатления, качество пребывания, присутствия в них, но и
увязывание определенной структуры в определенном темпе и ритме.

Эту структуру можно выразить Окном-Розой, можно — Мандалой, а можно и —
Восьмью Триграммами...

Наша Дама...

Тайна.

...Дева Мария, Шхина, Дакини, Мачиг Лабдрен, Мандарава, Сокровенная Самка, Гомадеви, Черная Дева, Трома Нагмо, Альба, Сакина, Гуань-Инь, Лада...

Нет, я не сваливаю все, в духе new age , в кучу, — я пытаюсь указать этими Именами, на Тайну Изиды: то есть Тайной объяснить Тайну, нечто спровоцировать...

Ведь самое краткое и концентрированное, эссенциальное Знание — это Имя.

ИМЯ.

Храм — Книга Сокровенной Тайны.

Даже не стоит пытаться штурмом разума, посредством дискурса, расшифровать Его Послание.

Пожалуй, первые входы здесь (а только на них может уйти вся жизнь), — интегральный вход в общем во все поле и сосредоточение, в первую очередь, на изменениях своего оперативного фона на всех трех уровнях; то есть, знакомство с Храмом, как с некой ЦЕЛОСТНОСТЬЮ.

Только когда этот вход совершен, следует начинать пытаться расшифровывать ряды, последовательности и элементы послания: читать по главам Книгу Храма.

Да, в Шартре продавали на французском языке нечто вроде «Расшифрованное послание Соборов», «Расшифрованные Лабиринты», — это даже не смешно.

Это: трагично.

Наша Дама молчит.

Черная Дама ночи учит Темнотой и в Темноте.

Свет не появляется сам из себя.

Его исток: Особая, сияющая Чернота.

Две Колонны. Две Башни.

Реймс. Ночь.

Партизаны Мон-Сен-Мишеля (утро в Реймсе)

Партизан — это воин, оказывающий сопротивление на оккупированной врагом территории.

Нет сомнения, что наш мир, Запад, Франция, захвачены полчищами демонов: жестокая битва идет за каждую душу, мирское болото стремится засосать в себя каждого и всякого.

И только разбрызганные Искры Святости напоминают нам о Сущностном.

Францию очень сильно обработали на тему инфернальной инспирации.

Французская революция, которую называют «великой», пережгла в дьявольской топке миллионы судеб, поглумилась над всеми Святынями.

В Реймсе в 1793 году некое адское существо ритуально разбило Святую Стеклянницу — сосуд с елеем, который в пятом веке чудесным образом проявил Голубь Святого Духа во время крещения Хлодвига.

Вчера, я стоял в Храме на том самом месте, где более полутора тысяч лет назад был крещен сей Король.

Свидетельствую: сие диво, не миф.

Это — правда.

А еще в Реймсе обитает святая книга — Реймское Евангелие...

Читаю про революцию во Франции, и понимаю, почему местные, в своей массе, такие дегрантанты сейчас — не зря старались всякие дантоны и робеспьеры.

Показательно и то, что в современной Франции День взятия Бастилии — национальный праздник с огромным размахом празднования же.

Между тем, ежели в крови француза есть хоть немного причастности к Святыням своего Народа, этот час старта кровавого и тотального мрака, может быть ним воспринят ТОЛЬКО как день покаяния, скорби и раскаяния.

В эту самую революцию осквернялись Храмы, разрушались Святыни и в угоду всего лишь идеям, текли реки крови.

Сию мерзость отката от сакральных векторов, начал в 1307 году король Филипп Красивый в союзе с Папой Римским, — арестом и попранием Ордена Тамплиеров...

Расплата не заставила себя долго ждать: эпидемия чумы растерзала Европу, Столетняя Война прервала благое Накопление Средневековья.

Какие могут быть варианты оценок: да посмотрите вы на Храмы — все они Плод Блаженного времени Средних веков.

И гляньте на скучные дворцы и уродливые «центры помпиду», — о чем тут говорить?!

Имеющий очи — да узрит.

Обладающий Сердцем — да услышит.

По дороге в Мец

Мы уже второй раз пользуемся бла бла каром.

Суть вопроса: люди едут на своих машинах по своим делам и у них есть свободные места. В интернете смотришь, выбираешь подходящую машину и время, переводишь деньги и можешь ехать.

Цены по сравнению с ж/д и автобусом — намного ниже.

Сначала я думал, что так здесь общаются и проявляют альтруизм.

Но уже второй раз наблюдаю одно и то же: здравствуйте, положенная улыбка, сели, поехали — и, стена.

Будто мы просто груз.

У нас, на Украине, ясное дело, водитель так или иначе, вошел бы в общение; тут — нет, тем более странно, что здесь и сейчас, один из нас прекрасно говорит по-французски.

Тем не менее: стена молчания.

И это не благо, ибо общение странника и со странником, взаимно обогащает обе стороны, являясь своеобразным каналом взаимопроникновения различных духов.

Вроде как бла бла кар у них некий ритуал «заработка по дороге». денег получают за это не много, потому, с позиции щедрости — такой акт нецелесообразен; а поскольку не общаются с пассажирами, постольку понятно, что движет, в основе, не открытость и сочувствие к людям...

По крайней мере, пока что, именно такое впечатление.

Пишу сие не для навета на людей Франции и Европы, но в контексте развития мудрости различения и с намерением научиться отделять Чистое от Грязного; хотя все тотально Чисто и Свято, но оперативно, не часто такое Видение присуще нам; намного чаще, мы в плену Греха Первородного, то есть — Частичности и Отделенности (а там в полной мере есть Чистое и Нечистое).

Душою же, расположен ко всем и мое сердце излучает смиренную благодарность. Пусть все живые существа избавятся от страдания во всех его формах и видах.

Однако, как кажется мне, не стоит смешивать без различения, эмоциональный акт давания и осознанный жест сочувствия, который, по факту, может быть и не особо приятен.

Ведь людям, в основном, приятно то, что угождает их эго и в той или иной форме, подтверждает их чувство собственной важности.

Быть может, сие, одна из причин, почему Спаситель говорит, что Он принес не мир, но Меч...

Меч и Ключ изображены на одной из Иероглифических Фигур Николя Фламеля: есть перевод сего трактата на русский, выполненный любителем Герметической Мудрости, Глебом Бузузовым.

Эта книга со мною и пользуясь случаем, выражаю от всего Сердца благодарность за перевод.

...интересно пришел сей томик ко мне: как-то в дождливый день зашел в книжный, смотрел разные труды, выбирал. Почему-то меня обвинили в том, что хочу украсть книгу; я, очень дешево, купил как раз упомянутую книгу.

Пару лет она стояла на полке и ждала своего часа...

Смиренно молю Того, для Которого любое Имя тесно; а также — Адептов, открыть, в соответствии с моим достоинством и мерой готовности, Тайны и Ключи к арканам Искусства.

С послушанием и благодарностью принимаю любой Ответ.

Скоростное шоссе, Мец все ближе и ближе, дождь все конкретнее орошает стекла железо-пластиковой колесницы.

Читаю тихонько Фламеля, почти ничего не понимаю, но время от времени ловится какое-то узнавание, что-то с чем-то неочевидно связывается и остается волшебное послевкусие (однако, я бы не назвал сие эмоцией)...

Мец.

Его Врата.

Почти приехали.

Еще одна Тайна...

Четыре часа в Меце

Наш бла бла кар прибывает прямо на ж/д Меца.

Впечатляет сам вокзал: романские формы делают похожим его одновременно на Храм и на Крепость.

Никаких сомнений: данное творение — самый совершенный ж/д вокзал в мире.

Это впечатляет.

Опять: вернулся домой.

Идем в вокзальное кафе, пьем там чай, привыкаем к тонкому звучанию ноты города.

Первые шаги в лабиринты улиц Меца: пасмурная погода, только что закончился дождь, хмурые камни и небо...

Как раз, что нужно.

Ощущается, что столица Лотарингии долгое время была немецкой: больше структурности, какой-то выстроенности и беловатой свежести.

Берем немного вправо от Вокзала, и местный бомж, радуясь нашему подношению, указывает дорогу к местному Собору.

Мы не попадаем туда сразу, по дороге встречается Храм СВЯТОГО МАРТИНА.

Заходим.

В Храме — ни души.

Настроение у Священного Сооружения не оставляет никаких сомнений, что все случилось.

Колонны, в том числе у алтаря, очень похожи на Крипту Больших Колонн Сен-Мишель.

Делаем Ритуал центрального Прохода.

Так же, в одиночестве, вдвоем, я и А. с Б., выходим.

Улочки, улочки... — главный Собор.

Он тоже жив.

На его памятной монетке изображен почему-то Дракон...

Также — Храм Центрального Прохода.

Далее, влево за Собор, река, мосты, вода с шумом прыгает с трамплина.

Остров.

Романский Храм.

На карте он обозначен как Новый Храм.

Он закрыт.

Но доступна территория возле: подходим к воде, — пара лебедей подплывает и мы подносим им кекс, привезенный из Руаны.

Мгновением позже к упомянутой паре присоединяется голубь; и, черное на зеленом — ворон-трава. Наш спутник: дух Нерваля. Кормим и его.

Месса: Остров, мощная стальная Вода, закрытый Романский Храм (надпись гласит, что Он оккупирован протестантами) , Три Птицы: Ворон, Лебеди и Голубь...

Холодно и сыро.

Пламенеющая Готикой, Башня, переход по мосту и... разыскиваем Капеллу Тамплиеров.

Она спряталась за Арсеналом: здание невелико, возле — тропа и старые деревья. Возношу подношение молчанием и уважением.

Уходим.

Опять Вокзал.

Мец, как город, в отличии от многих других (Реймса, Руаны, Ренна), не конфликтует со своими Храмами: они мягко вырастают друг из друга, связываются кровью улиц и освежаются реками.

Туристов (слава Богу) здесь не много.

Храмы тут не музеи и Мифос града живой вполне.

Можно бесконечно плавать его озером...

Вдалеке маячит контур холмов.

Минуем местный центр Помпиду, такой же уродливый, как и в столице.

Проходим мимо какого-то спортивного центра, на его ступенях целуются две молоденькие лесбиянки.

Вот и автовокзал.

Ждем транспорт.

А пока, пару слов о Ритуале Стояния и Прохода.

Порою, одних впечатлений и молитвы не совсем достаточно (или: совсем не достаточно...).

Итак.

Внешнее, на самом деле, оперативно — внутреннее. Вот зашли мы в Храм, стоим: Храм как-то воздействует на нас — но, очень важный момент, это воздействие мы конкретно ощущаем ВНУТРИ себя, как перемену состояния.

Внутреннее, на самом деле, оперативно: внешнее. Вот мы расстроены: как мы сие определяем? Мы как бы проецируем состояние вовне, собираем по признакам некую целостность и определяем его, как бы смотря на него НАРУЖУ, даем имя.

Описанное выше далеко не очевидно и сие еще нужно уметь распознать...

Далее.

Мембрана перехода: органы чувств, их пять, и они, в основном, в голове.

Эссенция чувств — зрение.

Два глаза: Солнце и Луна.

Эссенция глаз — межбровье, Звезда (там множественность есть Единство).

Обычно мы не можем целостно войти в измерение Храма: обезьяна скачет туда-сюда, потому что окон — аж пять.

Нужно же предоставить ей единственное Окно-Розу: Единство с лепестками акцентаций аспектов.

Через тайну Звездного Ока происходит сопряжение с целостностью Храма.

Однако, есть важный нюанс: чисто технически, нельзя сразу вбирать сим местом (вначале необходимо отдать, излучить) ; кроме того, якорь чувств должен быть стабильно погружен на четыре пальца ниже пупка.

Так создаются условия для естественного, безуильного — «и стали Двое Одним», иерогамия Храма и Паломника проявляет Дитя Сокровенного Знания.

Мы оставляем Мец и направляемся в Страсбург...

Изгнанный Дракон и Град, свободный от змей (автобус: Мец — Страсбург)

Миф гласит, один из последователей Линии Святого Петра, в древности прибыл в Мец.

Местным сильно докучал, Дракон, живший в развалинах амфитеатра. Ему соседствовал сонм змей.

В амфитеатре, кстати, убивают ради удовольствия...

Это, так, к слову; а неконтролируемые эмоции, воз страстей, метафорически изображают не только сворой псов, но и — клубком змей (как, впрочем, зачастую, Дракон — собирательный образ, эссенция, анимальной божественности (Святой Георгий попирает его Копьем (а это — символ Вектора и Вертикальной оси вкупе с Целостностью (когда ты всюду дома))).

По легенде — Дракону и змеям сопутствовал нестерпимый смрад (а про одну из разновидностей смрада я сегодня как раз читал у Фламея, путешествуя в авто).

Святой Климент всю эту братию обуздал Силой Креста и увел на Остров (место, огороженное быстрыми водами).

Так было достигнуто освобождение.

И, действительно, в Меце, столице Лотарингии, ощущается какая-то специфическая сухость.

Может потому, там такой прекрасный Храм переплетаемых Дорог — Вокзал.

Запекшаяся кровь. Страсбург

Дороги у них похожи на тоннели: у обочин, как в наших краях, никто не останавливается.

Доезжаем — Страсбург.

Устали, хочется пить, в туалет и вообще было жарко в автобусе.

Выходим: все центры для туристов уже закрыты, 19.00.

Не спешу открываться аромату нового города: знаю, сначала «кесарю — кесареву» ; чай, туалет и блин — животная часть стабилизирована, можно выходить в град.

За каких-то семь минут выходим к Страсбургскому Нотр-Дам: цвет запекшейся крови, двойной Огонь...

Высокий левый шпиль и низкая кубатура правой башни.

Нет слов: это прямой удар в сознание.

Во-первых, Цвет.

Во-вторых — асимметрия.

Собор открыт.

Подаем милостыню чешской побирушке, входим.

В Храме — католическая месса.

Орган истошно воет (к сожалению, что слышал, о том пою).

Чувствую: Храм и наличная месса никакого отношения не имеют друг к другу.

Субъективно?

Оценочно?

Опять же: описываю непосредственное ощущение.

Внутри Храм тоже полыхает...

К 20 нам нужно быть по адресу, который мы знаем, но не знаем как туда последовать.

Приблизительно идем.

Пробуем сверяться с картами на остановках, не тот масштаб — улицы нет.

Куда-то идем.

Еще один Пылающий Храм...

Мы почти пришли, не знаю куда...

Как-то так искренне говорю:

— или улица, или карта!

Ни того, ни другого.

Зато идет какой-то высокий дед.

Наш специалист по связям с французской общественностью без особых надежд спрашивает, где такая улица.

Дед, на радость всем нам, говорит, что он идет именно туда.

Доводит нас прямо до парадного.

Следующий аркан: кнопки, фамилии, — кому, куда жать?

Только задумались, с улицы, со спины подходит хозяйка.

Поселяемся.

Довольны.

Город Спекшейся Крови пустил нас в себя.

Благодарность его Духу и низкий поклон Горящим Краснотою, Храмам.

Безумный Скиталец. Номер 21 (Страсбург)

Находясь в жерле интенсивности, даже когда блеф удастся, не стоит забывать о невовлеченности...

Спонтанная удача и везение, если хотя бы немного фиксируешься на них, соотнося со своим «мирским именем», то есть — с образом себя, на волне дикого коня этой силы, мгновенно сменяются такими же сиятельными провалами и попаданиями в не туда.

Вечер, Страсбург: мы получаем еще одно чудо безуильного спонтанного проявления, рано радуемся; семь минут — и полный провал с небольшим попаданием на подрыв нашего финансового могущества; и опять — маленькое чудо спонтанного проявления нечто из ничто...

Наша квартира, на ближайшие 12 часов, находится где-то посередине между Храмом Нотр-Дам и всякими важными Советом Европы и другими какими-то такими важными институциями.

Понятно от пункта последнего, по жизни, держаться нужно подальше; в пункт первый — прятаться под ночную сень Наших Храмов.

Эльзас — красивое и нежное слово, столицей сего Края и есть Аргенторатум, то есть Страсбург.

Реки, остров, люди...

Храмы.
Кровь.
Огонь.

Двадцать Один — это Три.

Обобщения — ложь, но ложь на пути к правде (Страсбург)

Если попытаться все охватить, то, что-то вроде:

- 1) СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА = КОМФОРТ.
- 2) СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЕВРОПА, ДОШЕДШАЯ ДО НАС = КНИГА КАМНЯ.

Лично меня, первое, вообще не интересует.

Я сие вижу как причину всецелой и полнейшей деградации.

Выйти из машины почти на любом километре дороги, поссать в придорожную траву; потруситься автобусом в проселке; не иметь кучу бытовой техники — я это не смакую, но мне вполне неплохо и в таком.

Обладать же всем хай-течным комфортом и быть никаким выжатым лимоном, без воли, без бодрого активного внимания, толерантным ко всякой мерзости, гордым своей «цивилизацией», как средний европеец, — увольте.

Насмотрелся уже: почти все, встреченные мною европейцы, вообще никакого пиетета и трепета не испытывают к своим Святыням, для них этот Сакрум — не более чем фон для демонстрации своего эго в инстаграме и в соцсетях.

Да, многие наши — жлобы.

Большинство виденных мною европейцев, не жлобы только потому, что на это жлобство у них попросту не хватает силы; они не культурны, а толерантно прилизаны; их поведение трагически предсказуемо (и именно это навязывают им и последнее время нам, как культурность).

Современных европейцев, собственно-то и назвать так нельзя — они потеряли связь со своими же великими корнями.

Второе — меня пробивает насквозь и попросту шокирует.

В одной только Франции, НАСЛЕДИЕ КАМНЯ превосходит все культурное богатство бывшего СССР.

Про Украину, в этом аспекте, я вообще молчу.

Да, им, европейцам ОЧЕНЬ повезло обладать ТАКИМ наследием, но по печальной иронии судьбы, оно им вообще не нужно.

То, как они относятся к своим Храмам и Святыням, можно сравнить с ситуацией, когда нашли сундук с золотом и драгоценностями: золото — выкинули, а с самим ящиком носятся и носятся, нахваливая какой он таки замечательный...

Абсурд.

Святость.

Абсурд и Святость — вот формула Европы.

Страсбург обнимала ночь, а я, затаив дыхание, предвкушал завтрашнюю встречу с Храмами.

Красное и Белое: вспоминая Амьен в Страсбурге

Красная и Белая капли.

Кровь с Молоком...

Важно, порою, не дать чрезмерно перегреться процессу: умерить сияние.

Данный вопрос не прост и связан со становлением оперативной андрогинности и соотношением ингредиентов в этом соитии.

Вяло: процесс вообще не начнется.

Слишком активно — можно пережечь свою формулу крови.

Вообще-то сейчас речь о режиме поста, аскезы, адаптированных к собственным уникальным свойствам.

Превалирование Красного подразумевает Мощь, но теряется качество Прозрачности и Легкости.

Обратный избыток не дает окрепнуть цепи Силы.

В моем странствии символическая Красная Капля уже пущена и поднесена в Шартре; здесь, в Страсбурге я сделал приношение Белой...

Важно идти «против», когда оно само по себе — «по».

Это значит: равновесие.

И: не стоит торопиться с выводами.

Один из признаков обретенной (или проявленной Оси) — всюду, как дома: милостыню подаешь от расслабленной спонтанной щедрости, но в любой момент готов свернуть шею.

Любому.

Конечно, не следует вышеприведенные слова воспринимать буквально: они — намек иносказания (хотя в любой шутке, всегда есть доля шутки).

Этой главой смиренно прошу Измерение Храмов принять мою Печать Ярости и Нежности, свив её в гнездо, из которого, в положенный срок взойдет Звездная Птица.

АРИСТАТА ЭТЕВИТАТ.

Бытие и страсти. Страсбург

Что-то можно сделать, если есть контакт, интенсивность.

То есть: либо в аспекте сорадости, соблаженства и т. д., либо в контексте противостояния и ненависти — имеется и там, и там — МОСТ.

Ничего нельзя сделать в ситуации тупости, то бишь — безразличия (в Европе, кстати, в быту сие часто имеет место быть).

Причем, в динамике важна внутренняя невовлеченность на фоне притяжения или отталкивания: ни Холодный, ни Горячий — с этим трудно что-либо сделать.

Контакт подразумевает сопряжение...

Иллюстрация на тему: вчера заходим в подъезд — навстречу парень с великом.

Ну, придержали дверь, чтобы ему удобнее было.

Боже!

В ответ — тирада: мол это первый раз за пять лет, что ему так помогли (!), вы (то есть мы), видимо очень хорошие люди...

Вокзал.

Авто.

Туалет платный — 20 сантимов вход.

Старенький француз забегают, затравленным взглядом окидывает сограждан, потом решительно идет ко мне, говорит «туалет» и дает мне 10 евро (наверное, разменять).

Я понял, ему — эти самые сантимы, и мол, денег не надо, иди так — просветленный взгляд и куча благодарности в ответ.

Европа...

При том в Париже, на Храмовой ограде (!) надпись: «не ссать!».

Диалектика...

А еще у многих французов среди немногочисленных книг, часто маячит томик Достоевского.

Диагноз...

Три составляющие:

- тело: канал ощущений;
- энергия: канал эмоций, настроение;
- сознание: канал мыслей и концепций.

Я не есть ни одна из них, но все они — проявление, функция моего «я», которое связывается таким образом само с собою же.

В этом смысле, заходя в тот, или иной Храм, я возвращаюсь к тому или иному аспекту своей ясности, находящейся в союзе с общей апофатической пустотной однородностью всего во всем...

Про Европу многое объясняют её современные символы.

Так, Страсбург, по факту присутствия евроинституций, один из центров Евросоюза и этим связан с Брюсселем.

В последнем, есть Атомиум — огромное сооружение, аттракцион, одна из главных достопримечательностей Брюсселя.

Представляет собою сооружение из металла, состоит из девяти атомов кристаллической решетки ЖЕЛЕЗА (увеличение в 165 миллиардов раз).

Интересно, что возле этой штуки — парк «Мини-Европа»: миниатюры наиболее знаменитых сооружений Европы...

Для тех, кто не тому учился и не понял:

ЖЕЛЕЗО — СИМВОЛ НАИБОЛЕЕ ЖЕСТОКОГО ВРЕМЕНИ, Кали-юги, и подразумевается наибольшая кристаллизация эго людей (читай, гордыни) в этот период.

Кроме того: железо ржавеет, а это символ тирании Времени и Тщеты.

Как говорится: комментарии излишни.

В Железное Время крайне сложно донести что-либо кому-либо из-за непроницаемости брони «а я имею свое мнение».

В Кабалле живет понятие клипот, «скорлуп», — они не пропускают Божественный Свет.

Из-за этой «железности» (а сейчас, еще и «пластиковости») измерение Храмов сокрыто и вход в него открыт только тем, кто актуализовал в себе сущностную крупницу Золота или Серебра.

Страсбург. Карбункул. Храм

Самоцвет — «сам из себя излучает без причины свет».

Карбункул...

Дева — Богородица: рождает из себя, как бы без внешней материальной причины.

Краснота и самопроявление: но очень важен оттенок и настроение этой самой Красноты.

Краснота.
Красота...

Красота, как манифестация Силы, имеющей в себе Логос.
Корона Звезд...

День начался с упражнений всего подряд: до 12.30 отдыхаем на снятой квартире.
Потом — уходим, до 20 часов у нас свободное время.

Минуем посольство России, подходим к Храму, прекрасные готико-романские
Формы, цвет спекшейся Крови и на паперти сидит овчарка, пристегнутая карабином
к оградке, бомж-хозяин и его друг, пьяный в стельку.

Храм закрыт.

Он, некстати, оккупирован протестантами.

Подаем компании, хоть та и не просила, но бухой, пересчитав дачку, орет что
мало.

Друг его кое-как умиротворяет...

Вдохнув Форму Храма, идем дальше.

ОЩУЩЕНИЕ ПРИСУТСТВИЯ — вот ключ к конкретике первого ЖИВОГО
КОНТАКТА с Храмом: заметить ЕГО, распознать; оно вроде снаружи (то есть, само
помещение, в котором мы), но: чувствуется, конкретно, внутри.

И есть Окна, открыв которые, проще ощутить это самое ПРИСУТСТВИЕ.

Межбровье, ладони (изнутри /снаружи), пучки пальцев, затылок, макушка, центр
груди... и так далее.

Окно-Роза, по моим наблюдениям, как раз и активирует, межбровье в первую
очередь; затылок и интуицию, а также — окна висков.

Тело превращается в камертон, а Храм — в Перст Божества, тронувшего его.

Так душа может услышать Музыку Сфер; орган, судя по всему, все же не уместен
в такого рода Храме: слишком грубо его звучание для сих тончайших операций...

Присутствие Божественного Качества...

Шхина или Шехина.

Дакини.

Сакина.

Часто встречаем евреев...

Здесь, как нигде, в посещенных нами местах, много нищих, просящих подаяния...
Они активно эманюруют и инвольтируют на щедрость, разбрызгивание...

Храм все ближе.

По дороге — огороженный Храм Святого Стефана, зайти туда нельзя, но он
исключительно красив.

И вот мы в Храме.

Насколько позволяют возможности, проводим Ритуал.

ПРИСУТСТВИЕ четко входит куда нужно.

Нераздельность.

Храм Нотр-Дам здесь какой-то особенный.

Он дважды пылает: Цвет и удивительная асимметрия Башен: проявляется образ Копья Лонгина (Острая Башня) и Чаши Грааля (вторая...).

Опять — Наша Дама.

И снова — Книга Камня...

Дальше, поворот за поворот — Храм Святого Фомы: Восхитительно и Свежо...

Однако, зайдя внутрь, сразу выходим — протестанты сделали с его интерьером что-то ужасное.

Нотр-Дам в Страсбурге не конфликтует с городом, как это происходит в Реймсе и особенно, в Руане.

Улицы, похожие на волшебные сундучки и шкатулки, заботливыми объятиями лепят площадь.

Реки, мосты, скамейки на берегу — все циркулирует, объятые в два острова.

Неторопливо гуляем.

Быстрая Вода. Башни и Дождь. (Страсбург)

Если говорить о страстях, нельзя не затронуть вопрос эротизма и сексуальности аборигенов.

Представители местного как бы «белого» населения в своей массе лишены и первого и второго.

«Черные», «цветные» и метисы — пободрее и встречаются весьма резвые и интересные особи.

Чисто по крови, по крайней мере, здесь, во Франции, «белые» без всяких сомнений растеряли свой энерго потенциал.

Думаю, активные дамы, отдаются тут либо, «черным» и «цветным», либо друг другу...

Правильно управляемая сексуальность представляет собою «фонтан удовольствия» и расцветивает просторы внутреннего неба северным сиянием Проявления, уравновешивая, таким образом, Изотропную Пустоту.

Собственно, управляемая сексуальность — есть Высшая Аскеза, а отказ от сексуального вообще — Низшая.

Высшая Аскеза — тайна и её особенности не могут быть адекватно поняты представителями нормативной социо-культуры.

Если же вопрос сексуальности вообще обходится стороной, существует риск либо уродливой сублимации, либо «ошибки ложной пустотности»...

...Гуляем Страсбургом: река, оборонные Башни, крытый мост — сурово; погода изменяется к лучшему, — небо приобретает сине-фиолетовый оттенок.

Порыв ветра — и дождь.

Все: как надо.

Заходим в кафе.

Пьем чай.

Скоро уезжать. На столе — книга Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери». Обсуждаем...

Март 1831 года, предисловие автора, цитата про Соборы:

«Их увечат как угодно — и изнутри и снаружи. Священник их перекрашивает, архитектор скоблит; потом приходит народ и разрушает их.»
(упом. книга, перев. с франц. Н. А. Коган).

Возле Нотр-Дам черный товарищ торгует сэлфи стиками: граждане всюду покупают.

Гюго ошибся: теперь народ не то, что разрушает Их — он фотографирует. Фотографирует на фоне драгоценного себя.

Чтож, какая форма бытия — такая и его фиксация.

Еще раз подходим к Главному Храму: теперь замечаю, довольно много зеленоватых элементов в Его общей Красноте.

Быть может, сие случилось вследствие обсуждения романа Гюго и коннотаций имени Эсмеральда: ИЗУМРУД...

Быстрый переход — вокзал.

Скоро поезд и... мы направляемся в Каркассон.

Иль, местная река, мощно катит свои грязные воды...

Поезд на Каркассон

Заканчивается наше свидание со Страсбургом...

Покупаю сувенирные монетки: замечаю, продавец заворачивает их так, чтобы они не звенели...

В этом один из главнейших архэ современной Европы: максимум комфорта.

А сие означает — собирание энергии оперативного сознания преимущественно в прителесном пространстве, что всецело противоположно первичному входу в искусство изменения себя: там очень важно, в первую очередь, максимальное расширение. Собственно, понятие и живой объем его, под первичным именем «Бог» и имеет в себе такую цель.

КОМФОРТ подразумевает конкретное и сильное ужатие облака сознания вокруг и в — самую инертную и уязвимую структуру нас.

Мало того, что в Европе эта структура — тело; так она — не просто плоть, а, истерично сигнализирующая плоть — я имею ввиду множество уродливых сублимаций, начиная с моды, продолжая постискусством и заканчивая мракобесием по имени «дизайн» с его псевдо эстетикой (особенно, эта безвкусица заметна на фоне образцов средневековой архитектуры).

Не имеется ввиду какая-то предвзятая оценочность к европейцам и к их полю: странствие подразумевает ИНАКОВОСТЬ, а значит — КОНТРАСТ. Последний

делает более четко осознаваемыми границы объемов и потому может усилить ясность.

Садимся в поезд.

В этот раз мы путешествуем первым классом и ночным.

И тут видна доминация принципа максимального удобства.

В наборе пассажира: салфетки сухие и мокрые, затычки в уши, вода, носки (!), видимо, дабы не вонять соседям.

У двоих из нас — верхние полки: в их измерение ведет лестница и наверху есть столик, все сделано так, чтобы пассажиры по минимуму пересекались.

ОТЧУЖДЕННОСТЬ — еще одна особенность западного мира: здесь люди все время как бы отвлечены, в том числе — друг от друга.

Видно и то, что вся сила и мощь Запада — это не свойства и качества людей, как таковых — а ТРИУМФ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИЙ.

Всюду, в быту — в том числе.

Заberi все это — и останется зияющая тупая пустота и невероятная скука.

Комбинация таких раскладов не может не провоцировать тотальную поверхностность бытия, более того — я не назвал бы сие жизнью; скорее это поддержание биоса и примитивной социальности, однако, исключительно технизированной...

...И опять Виктор Гюго, цитата из пункта первого, главы третьей, «Собор Богоматери» (кстати, заслуживает пристального внимания несколько её начальных страниц).

«...это творение рук человеческих могуче и изобильно, подобно творению Бога, у которого оно как будто заимствовало двойственный его характер: разнообразие и вечность».

Очень не прост Гюго: вот этот «двойственный характер» — важнейший Ключ.

Алофатика и катафатика, в Буддизме — аспекты Кадаг и Лхундруб, Пустота и Проявление.

Именно их распознавание в своем опыте, уравнивание и отстраивание составляют самую Суть Пути.

«РАЗНООБРАЗИЕ» — соответствует Проявлению и уникальности свойств каждого существа во времени и в пространстве.

«ВЕЧНОСТЬ» — Пустота и изотропность Единого для всех.

В Соборах и Храмах сия максима воплощена вполне.

Благословенна Старая Средневековая Европа и благословенны люди её и дивные Плоды их, нет, не трудов, но Любви.

Нарбонна.

Пересадка: выходим — у них проводник вообще присутствуя отсутствует, выходим сами.

В этом есть какая-то нотка холода и брошенности...

Понятно, почему у них так много психиатров и граждане, порою, не в тему вяло улыбаются.

Мы улыбаемся не вяло, и зачастую, местные как-то странно реагируют на нашу небольшую компанию.

Наверное, мы, впечатленные и вдохновленные Храмами, для них несколько агрессивны.

В поезде читаю и плачу Фламеля, читая и не плачу Головина («Веселую Науку»), все идет своим чередом и Крепость Каркассона приближается.

Все же, наверное, лучше к таким Храмам и Крепостям, к этому Священному Наследию Средневековья, приезжать паломником и скитальцем, а не жить рядом с Ними, ибо: ВЕЛИКОЕ ВИДНО НА РАССТОЯНИИ.

Не особо хорошо привыкать к Сокровенному и уставать Его банальностями повседневной рутины.

Принцип все того же КОНТРАСТА.

Он — хорошая предпосылка правильной Циркуляции...

Неожиданный урок Каркассона

Поезд приехал.

Каркассон.

Кто знал, что слово «КОНТРАСТ» здесь окажется ключевым?

Юг.

Это многое объясняет.

Видимо мы, сами то не особо точно распознавая, уж слишком вошли в Вертикаль измерения Нашей Дамы и её Храмов: здесь, пока что, не обнаруживаем этой Оси и душа потому смятенная...

Поселяемся.

До известной огромной, уцелевшей Крепости, идти около 2-3 км..

Идем...

Все тот же Юг, все тот же Тот... Той Святостью Храмов и не пахнет: какое-то ожное, ленивое, томное растекание.

Вроде как тут был оплот Катаров, но ничего такого не ощущаем.

Пока.

Храмов по дороге не встречаем...

КРЕПОСТЬ.

Куча народу, заходим в сувенирный что-то покупаем...

Катаризм, похоже, здесь брендируют.

Стоим в очереди в кассу, какой-то черный бодрый протестант-лидер зазывает нас в свою группу: мрачно отказываемся.

Заходим.

Ничего.

Вообще ничего.

Стены, бойницы переходы и... все дороги ведут в магазин.
Крепость как таковая вообще бессмысленная: похоже — это просто бренд и граждане тупо ходят и все щелкают.
Улыбнула группа деток: человек 30, все с фотоаппаратами почти одновременно расстреляли нас, когда мы случайно вышли на их кадр.
Вообще четко распознается, что народ просто конкретно съехал с ума: они иступленно клацают и клацают — это просто какое-то сексуальное извращение глубокой тяжести.

История вне Сакральности ПОЛНОСТЬЮ лишена смысла — вот главный урок. Имеет смысл ТОЛЬКО ИЕРОИСТОРИЯ — то есть СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ. И распознается она по Сакральному Присутствию: его, мы ВООБЩЕ не замечаем в Крепости.

Даже следа.
Ситуацию спасает ХРАМ:
слава БОГУ, Он тут есть!
Заходим: ДА — СВЯЩЕННОЕ ПРИСУТСТВИЕ.
Это — ОНО.
Припадаем к этому Роднику, будто месяц скитались в мертвой пустыне.

ХРАМ СВЯТОГО NAZAIRE и СВЯТОГО CELSE.
Храм живой.
Людей мало.
Делаем полный Ритуал.
Чистая Ярость и Слезы неотсюда, впрочем, Слез больше...
Храм печалится, печалится о том одураченном стаде, которое сношается посредством камер, с пустой Крепостью...

Восстанавливается связь с Линией Храмов и очень тянет назад, на Север, к Созведию Нашей Дамы.

В Крепости мы просто охренели от «музея рыцарства». пару каких-то тряпок (типа гобеленов) современные подделки мечей и доспехов и пошлые фигуры, имитирующие «ту жизнь».

Возвращаемся в город.
В Крепость больше не пойдём.
Незачем.
В Каркассоне еще пару Храмов: собираемся в них...

Я шокирован.
Реально.
Однако, слава Богу и Истине понял: Замки и Крепости вне контекста Святости — просто кучи мертвого камня.

Все города, (кроме Ренна) которые мы посетили в этом паломничестве, обладают четким Центром, Осью — Храмом Нашей Дамы. Причем Храм может конфликтовать с городом (Руан, Реймс), может плавно перетекать в него (Шартр, Амьен, Страсбург), возможно удивительное равновесие (Мец)...
Проблема Каркассона в том, что его Центр, Ось — просто Крепость.
Не Храм Нашей Дамы, не Храм вообще...

Крепость, где лилась кровь.

Здесь есть Храмы, но они как-то задавлены, Они не мультиплицируют свою Благодать в измерение Града.

Плюс, возможно, на общее настроение влияет факт страшного насилия, которое было в свое время обращено против Катаров...

Что-то здесь произошло явно не то.

Возвращаемся домой.

Устали.

Осознаем.

Передача Нашей Дамы в нас вроде как защищает себя, показывая Каркассон под углом зрения всецело неожиданным для нас.

Каркассон. Вечер

Вечер...

Ветер утих: тихий саван укутал многострадальную землю Лангедока-Руссильона.

Гуляю один.

Когда идешь в другой стране, не зная вообще языка — это чем-то похоже на аскезу просветляющего молчания.

Устойчивая нота глубокой печали распознается душой.

Край Альбигойцев...

В свое время, здесь был оплот Катаров, «Добрых Людей», считавших католическую Церковь «синагогой Сатаны».

Про Катаров известно очень мало, скорее всего, их Традиция была прервана.

Крестовый поход против альбигойцев утопил в крови эти земли...

Уже в Средние Века тут возникла линия страшнейшего напряжения «католики-катары» и оно не было разрешено.

Если в предыдущих местах мы ощущали напряжение «Традиция — современность», то тут все намного сложнее: конфигурация противоречий «катары-католики (Средние века) — современность».

И это ощущается.

Как будто у кого-то отрубили руку и ногу: вроде как-то ходит, что-то делает, но есть неиспитая печаль по полноценной устроенности.

Местность — калека.

Когда-то пришлось кастрировать моего любимого кота — его принесли от врача и бедное животное было окружено специфической печалью безвозвратной утраты. Что-то похожее ощущается и здесь.

Надлом.

Катары, насколько известно, не строили Храмов: их Знание, видимо, не передавалось по Линии Передачи «Книги Камня». Может еще и поэтому здесь Храмы какие-то зажатые, будто местные духи не дают им мультиплицироваться и присутствует боль и пустота утраты.

Тем более все как-то странно, если учесть попытки местных подзаработать на всем подряд, включая Катаров.

Видимо сие — не совсем та тема, которой стоит небрежно касаться.

А все эти толпы маразмизирующих туристов, вообще, похоже, продолжающееся оскорбление, наносимое духам места...

Архэ Храма здесь не проявляется: кстати, Роза местного Собора, зажатого тесными улочками, увенчана пламенеющей пентаграммой, думается, не случайно.

Пентаграмма тут, тремя концами вверх (в Амьене, кстати, тоже была, пентаграмма, но двумя концами вверх: «утренняя звезда») часто служит не только «печатью воли», но и «печатью, умирившей духов».

А духов, неприкаянных духов, в Каркассоне ощущается много...

Вчера, уезжая из Страсбурга, по дороге на вокзал, мы миновали два, рядом расположенных, кафе: одно называлось «Дьявол» и на его вывеске присутствовала карта 15 Аркана Таро с одноименным названием; второе — «Ангел».

Интересно, что в Каркассоне, идя в Крепость, мы отметили фонтан «Нептун с Тризубцем».

Возвращаемся из Крепости: в сознание ударяет название кафе «Дьявол», он изображен красным (а в Страсбурге, как помним, Собор Красный) и с трезубцем.

Кабала Знаков...

О чем они?

Карта 15 Аркана Таро изображает, в одной из интерпретаций, Демиурга, от которого идут цепи к мужчине женщине (вид у них опустошенно усталый, послевоенный).

Похоже бинер «католики-катары» в этих землях так и не снят.

Пространство 15 Аркана...

Печаль. Тревога.

Внутренний ландшафт какой-то такой.

Тернер, решающий сей бинер в принципе, возможно — как раз Храмы Нашей Дамы.

Ибо Они, вне всяких сомнений связаны с Алхимией: не исключено, что катаризм, был интегрирован в Алхимию. И здесь стоит отметить, что католические мессы, виденные нами в Нотр-Дам де Пари и в Страсбурге, ну никак не отвечают духу сих Храмов.

Демиург, Хозяин банальности и инспиратор серой посредственности удобного бытия, по сути, «БОГ-КОМФОРТ», властвует в Европе и в современном мире.

Эта лжесущность заставляет человека быть «ни холодным, ни горячим»; странники, пытающиеся идти как Дорогой Люцифера, так и Путем Бога, — на первом этапе, союзники.

Союзники в борьбе против Демиурга.

Возможно, как раз о такой сложнейшей ситуации повествует роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

Подробнее с данной версией можно ознакомиться в статьях Глеба Бутузова...

Такое впечатление, что здесь, в Каркассоне, на Юге Франции, Единое Знание было разорвано на два неполных фрагмента: потом между ними случилась кровавая война.

Фрагмент уничтожил другой фрагмент, став при этом еще более фрагментарным.

Эта боль похожа на не прогоревшие до конца, до нужного пепла, субстанции, потому и не может восстать Феникс.

Чернота как бы не завершена и гниение очень затянулось...

Вечер плавно перетекает в ночь.

Все замирает.

Но как-то: застывшими тенями. Крепость Каркассона, конечно, прекрасно сохранилась.

Но как показал даже неполный день пребывания здесь: все очень сложно, запутанно и напряженно.

Попытаемся завтра хоть немного приблизиться к разгадке в контексте познания своего внутреннего измерения через его проекции во вне и осознавая иероисторию, как историю освобождения собственных составляющих от тьмы неведения.

Каркассон. Ночь

Может возникнуть закономерный вопрос: как так мы все смешиваем в куче — и Демиурга, и Бога, и Люцифера и Всеполную Истину; и Алхимию, и Готику, и Романику, и Храмы, и католиков, и...

Вроде бы, какой-то хаос.

Дикое смешение.

Не совсем так (или: совсем не так).

Всегда есть причина, конкретная ПРИЧИНА, почему человек встречает именно то, а не это, почему его сердце отвечает одному Учению, одной Традиции, или как бы несколькими...

Вопрос не в том, кто прав.

Вопрос в оперативности делателя, в его качестве и в том, что все — лишь Зеркала.

А сложность есть, только если чрезмерно фиксироваться на Узорах, на катафатике.

Апофатика предельно проста из-за своей Однородности.

И равновесный Союз этих Двух Великих в оперативности, снимает проблему неразрешенной напряженности и запутанности: Лабиринт оказывается Витражем Блаженства, а его разгадывание — глубинным удовольствием.

Есть Полное и Частичное Знание, неправильного — нет. То, что кажется неправильным, просто — Частичное, но не на своем месте.

В этом Ключ от множества отгадок.

Все Совершенно.

Люди обладают различными качествами и способностями: никогда точно не известно, что именно станет для них ключем Живого Знания.

Отсюда: столько коннотаций.

Игра слов позволяет кое-что понять.

Кабала.

Отзвук Базового Первозвука или «...в начале было Слово...».

Наш француз предложил следующее:

«CARCASSONNE»

Равно:

— от слова «CARCASSE»: «каркас», «структура», «тело», «остов корабля»... ;

— «SONNE» от глагола «SONNER»: «звенеть», «звучать» ... ;

— «звон (вибрация) структуры»;

— середина «CASSER»: «ламать», «разрушать»...

Имеем в результате:

«звон структуры, которая сломана, разорвана».

Кроме величайшей Трагедии Французской Революции, сломавшей множество осей Сакрума Франции, было еще противостояние Катаров и Католиков, организовавшее одну из трещин, которая впоследствии разрушила тень Золотого Века в Средневековьи.

Итак, некоторые фильтры, клипот, замутняющие прямое узнавание себя, посредством Иероистории Франции и Европы:

— разгром Ордена Тамплиеров;

— Столетняя Война;

— трагедия Катаров;

— чума;

— предательство и казнь Жанны Д'Арк...

— Французская Революция...

Двойка всегда делится дальше, разлетаясь все новыми вопросами...

Чтож, есть над чем посозерцать...

Каркассон.

Ночь.

Мычание Аббатства Кон-Минервуа

Сразу оговорюсь, что все, написанное далее — чистойшей правдой, в которой присутствовали все мы трое в твердом уме, ясной памяти и совершенно трезвые.

Итак: утро.

Идем на ж/д и месье Жак везет нас на своем такси в Аббатство. По дороге разговариваем, месье Жак оказывается на редкость учтивым и общительным человеком.

Он неплохо ориентируется в местной географии и истории.

На вопрос, осталось ли хоть что нибудь живое и конкретное от Альбигойцев, он однозначно и решительно отвечает:

— Нет.

— Ничего.

Подъезжаем к Аббатству: оно окаймлено, на первый взгляд, очень симпатичным городком со множеством небольших каменных домиков.

Заходим.

Касса: на ней черная женщина.

Продает нам билеты.

Следуем внутрь Аббатства.

Мы — сами.

Заходим в Храм.

Довольно большое, мощное Романское Здание.

Да, изуродовано барокковой начинкой, но стены несут Нечто.

Сотворяем полный Ритуал.

Осматриваем Храм; вслушиваюсь в Его звучание — ощущаю, здесь не служат, но еще что-то осталось.

Светлая Печаль и Чистота...

Налево от алтаря идем в крипту.

И вот тут, как раз случается нечто странное.

Мы друг за другом следуем по освещенному коридору и почти доходим до крипты.

Странный звук: будто утробное мычание — мы все его конкретно слышим.

Длится оно секунд 7-10.

Громко.

Сначала я думаю, что у кого-то бурчит в животе, но потом мы осознаем, что во-первых, слишком громко, а во-вторых, никто ничего такого не ощущает.

Думаю: может местный прикол — поставили датчики движения и звуковую хренотень какую-то.

Проверяю: несколько раз прохожу тем же коридором — никакого такого эффекта.

Констатируем: звук был и не людской и не природный.

Заходим в крипту: тут остатки Храма, возведенного еще в 8 веке...

Выходим в дворик: и двое из нас с небольшим временным промежутком ловят ускользающий образ ползущей змеи.

Еще немного гуляем небольшой территорией Аббатства.

Выход опять через кассу.

Что-то заставляет меня спросить черную женщину-кассира про то, служат ли здесь теперь?

Она отвечает мне, не скрывая гордости и удовольствия, что со времен Французской Революции нет никаких служб и никаких монахов.

Я ей:

— Это печально.

Она в ответ:

— Нет, не печально. Хорошо, что Аббатство так долго не действует. Монахи были плохими и угнетали всех вокруг.

Аббатство не большое, трудно представить, что они так уж надругались над местными.

Сейчас в этом городке скорее всего нет ни одной действующей церкви, по крайней мере мы обошли весь центр и ничего такого не заметили...

Вообще, местные довольно стихийны грязной стихийностью: похоже, любым горцам (а городок сей — в окаймлении гор) необходима более жесткая структура, ввиду более сильных животных энергий.

Возможно, Аббатство как раз и было структурообразующим элементом, транслирующим Знание Вертикали.

Сейчас такого излучателя не наблюдается вовсе.

Хтонические энергии довольно ощутимо эмануруют через местных граждан.

В центре заходим в кафе, рядом — огромные старые платаны.

Поражает inferнальная фантазия горожан: на еще здоровом дереве плакат, изображающий полый, выгоревший черный ствол, через пролом которого видно просвет в мир...

Современные европейцы начисто лишены даже примитивного религиозного чувства: это ясно распознается в Кон-Минервуа.

Примечательно, что где-то рядом, по словам таксиста Жака, были казнены последние Катары...

Богиню Минерву изображали с совой в одной руке и со змеей в другой.

Интересно, что у нашей хозяйки, здесь, в Каркассоне, живет кошка: так вот, я никогда не видел, чтобы этот зверек был так похож на сову...

Предваряет Аббатство, площадь Республики, с двумя платанами, посаженными еще во время Революции.

Раньше у нее было название, обозначающее «Врата», «Двери».

Данное Аббатство (как сообщает нам Французская Википедия) было одной из ключевых точек для паломников, бредущих к «Звездному Полю» — Сантьяго де Компостелла по «тулузскому пути следования» и находилось немало рыцарей Тампля, охраняющих их по дороге к этой Святыне...

Революционеры и здесь умудрились безжалостно отсечь Линию Передачи, которой на момент уничтожения было более тысячи лет.

Кон-Минервуа, само название, имя, имеет ряд смысловых и звуковых коннотаций:

- «путь в подземелье»,
- «голос подземелья»,
- «разрушительное, изнуряющее воздействие, влияние»,
- «пещера, грот»,
- «портал Черной Горы»,
- «подземное рудное месторождение»,
- «взрывная скважина»...

Словом, наше это путешествие оказалось весьма неожиданным и еще раз проявило степень падения современного мира в тотальную горизонталь.

А местные: все носятся со своим мрамором — берега реки украшены рядом всецело бездарных постмодерновых скульптур.

Много какой-то мутной влажной черноты при всей внешней симпатичности городка...

Аббатства.

Точнее — их ускользающие тени.

Сонм демонов, выпущенный революционерами, Филиппом Красивым, подобными деятелями и окончательно кормимый и лелеемый техно зависимыми почитателями божества по имени Комфорт.

Храмы Каркассона. Формулы судеб

Искусство путешествовать...

Что стоит за этой пеленой, какие ворота сокрывает сия фата моргана обозначения?

Едем из Аббатства обратно в Каркассон.

Всем этим мычанием поднята какая-то муть: немного подташнивает.

В автобусе общаемся, обмениваемся замеченными нюансами.

Постепенно становится лучше, помогает правильное сосредоточение внизу живота.

Каркассон...

Приехали.

Ныржаем в узкие лазы местных улочек.

Покупаем продукты и повторяем штурм, закрытого вчера, Храма.

Он странный.

Выделяется на фоне шахматной доски Сите как одиноко стоящая Ладья.

Это тот Храм, про который я уже немного писал, упоминая пламенеющую Пентаграмму над входом.

И вот: везет.
Храм открыт. С трепетом входим.
Пространство зачаровано на Вертикаль: видимо не зря Он похож на Туру,
ходящую как раз Крестом.
Витражи.
Сзади: над входом Пентаграмма, выше её — Роза.
Справа и слева, рядами по верхнему контуру нефа по пять шестиконечных Звезд,
сияющих в витражных окнах-цветах.
Всего Десять.
Поднимаемся на самый верх Башни: Каркассон на ладони, но это не особо
впечатляет. Важнее: мы, наконец, оторвались от земли.
Короста мычащего города, эксплуатирующего сакральные формы Аббатства,
потихоньку сходит с нас.
Нарядно.
Будто попал на Гору Преображения и священные световые колеса Звезд
размололи тебя в прах, прах ушел в глубины и поднялся, прямо на верхней
площадке Лады, рожей только что рожденных, Цветов.

Имя этого Храма:
SAINT-VINCENT.

И снова — временный гостиничный дом.

Ухожу один в город.
Обет молчания.
Прозрачной тенью протекаю к Крепости, но, все же не к ней, а к Базилике Saint-
Nazaire.

Храм: снова моя Родина.
Родина моего Сердца.
Витражи...
Справа и слева от алтаря — Розы. Безусильно читается прозрачный нетварный
Свет спонтанного Проявления: сияющий Центр, четыре Главных Лепестка и от Них
— множественные Лучи...
В Священной Дхарме сие: Самбхогакая разворачивания Мандалы Пяти Дхьяни
Будд (Она, ни в коем разе не придумана, а распознана при таинстве особого
Взгляда в бесконечное Синее Пространство).
Собственно, эти Света — скелет того, что мы, будучи в плену у иллюзии,
полагаем плотной реальностью.

Материальности нет: вот откровение Витражных Роз.

Розу к Розе: сущностное Око к потоку разноцветного Света.
Два становятся Одним...

Ухожу.

Вниз.
Вдоль стен с башнями и бойницами.
Мимо людей...

Мост.

Три формулы судьбы.
Касательно путешествия.

1) Жизнь, как развлечение.

Бытие животного: побывать (смена территории), поесть, попить, выпить, похотливый или автоматический секс.

Впрочем, последнее сейчас все более заменяет фотосессия.

Понежиться на пляжике...

Спа, массажик, тату...

2) Жизнь, как приключение.

Жесты хищника: преодоление, опасность, экстрим, адреналин. Чаще, — выезды в дикую природу.

Авантюры.

3) Жизнь, как поиск Истины, стартовавший в вызове преодолеть Время и Смерть.

Тогда путешествие есть Паломничество, а все места, люди и события — Знаки на Пути...

Теку обратно в гостиницу.

Знаки, знаки...

Каркассон остается дремать у дорог, поджидает тот срок и теряет урок.

Всадник гладит коня,

Снова ночь разлита:

В вереницах дорог

Ты узнаешь тот Срок...

Созерцания Золота (второй вечер в Каркассоне)

Что мы ищем в этом странствии?

Душа безошибочно распознает некое отсутствие фальши: Книга Камня конкретна, и потому несет в себе интегральное настроение измерения Храма; детали: статуи и т. п. его, конечно, пролонгируют и уточняют, но не трагедия, ежели пару барокковых статуй впихнули в Готику: диссонанс в наличии, но, поскольку священное Пространство читается не умом, а в первую очередь — Сердцем, постольку, сие прочтение идет ОТ ОБЩЕГО К ЧАСТНОМУ.

Вопрос не личных предпочтений, не вкуса (который, в общем-то навязывается социо-культурой), вопрос Линии Передачи Знания через канал Мистики, Мифоса и более директивно, через Логос.

Причем — первое, намного важнее.

Все мы, так или иначе, принадлежим к европейской, западной Ойкумене. Сие сидит чрезвычайно глубоко.

И внутренний Путь, так и пройдет по её дорогам: часть этого Наследия, в деле освобождения от страданий, тирании Времени и Смерти, будет в помощь, часть — без всяких сомнений серьезно помешает.

И существует в означенном объеме Времени, в истории, эпоха, когда, в силу самых разных причин, на 200-300 лет возродились смысловые, силовые, знаковые и чувственные конфигурации Золотого Века (имеются ввиду системы Четырех Эпох в опции Вед и Гесиода, а именно, Века Золотой, Серебряный, Медный и Железный — то есть описана деградация, падение, изгнание из Рая).

Суть этих Четырех в степени и силе кристаллизации эго, гордыни и неведения живых существ, а также — наростание параметров Тщеты, Отчаяния, Лишенности.

Мы с вами сейчас живем, давно уже живем, в эпоху Железного Века, в Кали-югу, в самый некачественный и плохой период.

Неведение и рабство возрастают...

И вот, внутри этой самой Кали Юги, чудом воспроизводится почти Золотой Век, его, весьма качественная тень, проекция: Средние Века (приблизительно 1000-1300 годы).

Ни до, ни после, тысячи лет, такого Высокого Качества и взлета Человека, его приближения к Истине, приближения к Ней всюю тотальностью элементарного быта, не наблюдается.

И центром этого качественного взрыва, во многом, стала Франция.

Дух данного благословенного Периода до нас почти не дошел.

Но что-то все же осталось.

Камень — наименее уязвим для тирании Времени; Храм — квинтэссенция, сущность всей Горизонтальной и Вертикальной Бытия.

И именно Храмы, в своей основе, конечно, к сожалению частично покалеченные более поздними привнесениями, особенно уродством и пошлой бессмысленностью барокко, так и дошли до нас.

И принесли в себе ТО КАЧЕСТВО.

Вот за его крупницами и отзвуками мы и охотимся.

Если говорить языком описания архитектурных стилей, то упомянутое выше ядро проекции Золотого Века (утраченного Рая) несут в себе, именно в особенностях и пропорциях форм, два стиля: РОМАНСКИЙ (включая каролингский) и ГОТИЧЕСКИЙ.

Первый выражает Пустотный, Апофатический аспект Истины; Второй — Катафатику, то есть Проявление, «Бог есть Любовь».

Их смешение или соседство воссоздает наиболее приближенную к Всеполюной и Окончательной, Совершенной Истине, в мире форм — модель.

Само ПРИСУТСТВИЕ этих Храмов несет в себе такое Знание.

Необходимо только научиться входить в контакт с этим ПРИСУТСТВИЕМ.

Да, где-то, нерадивые и деградировавшие потомки, что-то добавили не так, где-то изувечили, но в целом можно сказать, что эта ЛИНИЯ ПЕРЕДАЧИ ИСТИННОГО ЗНАНИЯ сохранена (пусть и с изъянами и некоторыми ошибками).

Все остальные стили искусства, все остальные формы сакральной архитектуры, воспринимаемые через призму нашего западного кода, от Романики и Готики отделяет непреодолимая пропасть.

Там (Готика — Романика) Качество в огромной концентрации; тут (почти всё остальное) его практически нет вообще.

Еще раз замечу: речь идет именно о передаче посредством больших Форм, об архитектуре. Если же мы наблюдаем что-то действительно ценное в мире форм, то при более пристальном созерцании заметим, что оно так или иначе склоняется к особенностям наших Альфы и Омеги.

Например, прекрасные Храмы в Грузии весьма родственны Романике...

Отдельная тема, конечно, искусство Ислама, Буддизма и т. п..

Но применительно к Западной Ойкумене, включая Украину (особенно) и Россию как переходные зоны (ни там, ни тут) , можно утверждать категорично: ближе всего к Истине — Романика и Готика, все остальное (особенно «современное искусство» и барокко) — некие вуали, препятствующие проникновению Истинного Знания и отвлекающие на мелочность и пошлость псевдо бытия вниз. Наши два великих Стиля — это Жест Истины навстречу человеку: дар возможного освобождения.

Все остальное: те, или иные ловушки дорожных демонов; либо, просто послание Истины, но не имеющее в себе особой силы.

Так есть.

Точка.

Формулы Каркассона. Судьбы Храмов

Похоже на то, что в конечном счете все определяет уникальная конфигурация судьбы, если бы не одно «но». Эта динамическая ситуация находится внутри общего контекста (можно сказать — кармического).

Такие контексты прошиты некими основами, архэ, в сути своей они представляют некие нити напряжения двойственности (имеется ввиду, превалирование отклонения по определенному вектору) и они обуславливают, довольно сильно обуславливают и ограничивают свободу выбора.

К примеру, в Средние Века — архэ Путешествия — это Паломничество: либо монашеское, либо — мирянина, либо — Крестовый поход воина.

Сейчас, аналогичной Основой есть — развлечение.

Чуть ранее: было приключение...

Другими словами, в Средневековье: говорим странствие, подразумеваем паломничество.

Не стоит забывать, что основные рыцарские Ордена одной из первейших своих задач ставили именно защиту паломников.

Паломничество рассматривалось как метафора всей судьбы...

Сейчас, конечно, не так.

Люди путешествуют в очень странных коридорах навязанных им снов.

Да, они говорят «мне нравится», но их там, как «я» нет.

Сие легко определяется по ощущению КАЧЕСТВА ПРИСУТСТВИЯ человека в контексте.

Сегодня я снова ходил в Крепость, встретил десятки людей со всего мира: качество внимательного присутствия я распознал только у одного — какого-то корейца.

Все остальные — сомнамбулы, совершающие ряд страннейших ритуалов: ходят, смотрят, орут, покупают, фотографируются...

Интересно.

Архитектура, стиль архитектуры, очень объемное понятие. Если тебе, к примеру, как бы нравится барокко, то это чревато.

Утверждаю категорично: человек, имеющий мало-мальски конкретный духовный опыт никогда не подтвердит высокое и даже среднее качество данного стиля.

Так, одним из архэ барокко является жемчужина неправильной формы, не имеющая оси вращения.

И это приговор: неидиоту дальше все понятно.

Отсутствие оси означает отрезанность от Принципа: заброшенность, лишенность, «нечто само по себе, вне связи с Верхом и Низом», причастность к Хаосу...

Красивость ради самой себя.

Если из Готики убрать легкость, полет, Вертикаль; умножить складку (то есть массу и материальность), то мы как раз получим барокко — дурное умножение приторной вычурности.

Барокко свойственна преувеличенная эмоциональность, аффектация страстей, излишество как таковое — потому ему, априори, не место в сакральных контекстах.

Потому, конечно, мягко говоря, странно, как можно было после Готики скатиться до такой пошлости.

Но еще более странно: в уже наличный старый Готический Храм вносить элементы стиля, постулирующего и утверждающего своей эстетикой прелесть, то есть — грубейшую ошибку в духовном делании.

Барокко стремится к величию и пышности, а значит возводит грубую модуляцию гордыни в некий эталон.

Именно барокко в интерьере на место икон водружает портреты и пейзажи.

В эпоху барокко появляется архэ джентельмена (побритость, парики, духи и прочее тому подобное), мужчины-урода: ведь к чему теперь доблесть, сила и свежая суровость если можно любые латы прострелить из мушкета...

У меня нет никаких сомнений: барокко возникло как инспирация определенного класса существ, озабоченных освобождающим дух и облагораживающим душу воздействием Готики и Романики на людей; контроль над пороками, а через них — над человеческим стадом, мог быть недопустимо сильно утерян.

И барокко через канал чувств утверждает торжество мирских страстей, ввергая своих почитателей в надежное рабство у навей и тварей хаоса.

Омерзительно смотрятся и решаются барокковые вставки внутри Готических Нотр-Дам и крайне удивляют потерпевшие, которым сие кажется «красивым».

Интересен тот факт, что барокковые импликации очень часто увечат Сердце такого Храма — Алтарь.

Это вызывает омерзение, но и понимание степени коварства и высокой компетенции врага. Барокко своим тяжелым звучанием как бы замазывает, замыливает свежесть Божественного Присутствия посредством Священной Формы.

У меня есть большое сомнение, что барокковый храм можно намолить: скорее, более вероятно намолить просто пустую прямоугольную комнату без обстановки.

Если мы все же говорим о Храме, сие таки подразумевает, что есть разница, какой Он Формы.

Иначе: все есть Храм.

Это и так, и не так, поскольку имеется огромная оперативная потребность в концентрации Священного Присутствия.

Линза, собирающая Лучи Святости в единый Луч, - вот что такое Готика и Романика.

Кристалл, разлагающий Единый недифференцированный Божественный Белый Свет на всю радугу свойств Запредельной Щедрости Истины...

Граждане все съедают, как им впихивают те, кому впихнули авторитеты, которым, в свою очередь, впихнули всякого рода демоны.

Так смотрят, но не видят, а в последнее время, еще и интенсивно фотографируют...

Куда уж задать самому себе вопросы, что-то заметить и применить к собственному измерению.

Вот Ты, читатель, понимаешь ли, что каждый визит в Храм, в определенном векторе намерения и в качестве присутствия — вопрос Твоих Жизни и Смерти, рабства и Свободы?

Вопрос Паломничеств вдруг получается одним из самых важных вопросов судьбы...

Из Каркассона в Порто

Сегодня мы опять переезжаем.

Летим самолетом.

Интересная штука, самолет.

Когда пребываешь на его борту, при условии раскрытой чувственности и оперативности животной души, четко ощущаешь, что сие действие почти не имеет право на существование.

Как такая тяжелая штука взмывает в небесную высь и движется даже над странами туч...

Не иначе: черная магия.

Беда мирных граждан в том, что они уже ко всему привыкли и суть полета на самолете осознается обнаженно только когда случаются какие-то неполадки.

Мне вообще неясно, как человек не имеющий хоть какого-то духовного, мистического опыта рискует садиться в крылатую машину.

Еще более непонятно, как после удачного приземления можно продолжать жить в том же самом отвлечении мирским, как не начать конкретно искать пути избавления от тирании Времени и Смерти?

Полет на самолете: это 50/50, свидание в буквальном ощущении с вечностью под ногами.

Сия конфигурация уникальна для Делания, так как в наличии тотальный контекст предпорогового значения: он может научить искусству незаинтересованной в своей личности, молитвы.

В любом случае, наверное, заходить на борт самолета лучше в неотвлечении и в состоянии чем более качественной Чистоты...

Паломничество подразумевает навык перевода одних энергий в другие, а также — умение их уравнивать и взаимно компенсировать.

Так, основная тройка:

- энергия чувств и переживаний;
- энергия понимания и понятого;
- энергия телесного движения и пребывания.

Посох Странника — это, в том числе, символ Целостности и умения увязать всю композицию.

Так, сильное чувство, требует якорения правильно соответствующим моментом телесного усвоения: например, особой позой, интенсивной ходьбой (если этого не дать, порою, тело может не справиться с мощью чувственной волны и не выдержит сердце).

Интересный момент этого тройного увязывания имел место вчера в Храме Ладьи.

Там мы поднимались по винтовой лестнице на довольно высокую башню.

Подъем, то есть усилие, шло по спирали вправо, как бы разгружая, с одной стороны сердце (как телесный орган) и на тонком уровне сообщая, что Сила нужна для взбирания на Небо (символика правой стороны, как более сильной телесно, то есть означающей Магию).

Верх.

Плоская площадка.

Спуск в Храм — спираль влево. Это ток Знания, не нужно прилагать усилие преодоления, ты нисходишь дождем, вращаясь в сторону Сердца, готовя его к свиданию с Мудростью Храма.

Преобразование облака чувств в понимание — описание, ведение дневника, внимательный разбор знаков и намеков контекста.

Паломничество преображает — в этом его суть.

Ты умираешь, все более умираешь, как нечто временное и контекстуально-концептуальное; в идеале — умираешь до изотропного праха.

Из праха сего, без надрыва усилий, может восстать Феникс Славы.

Последние часы в Каркассоне.

Понемногу собираемся.

Нас ждет Томар, твердыня Тамплиеров.

Что принесет Он нам?

Увидим.

А пока: не бойся и не надейся.

Ожидая самолет в Порту (Каркассон, аэропорт)

Тоталитаризм подразумевает ограничение свободы и вариантов проявления личных жестов.

В тоталитарной среде все сложнее найти что-то из ряда вон, нечто особенное, иное, то есть, по-настоящему ценное.

Тоталитарная среда подразумевает тотальность, которая может насаждаться прямо, через насилие и принуждение, подавляя волю, навязывая правила; а может — через канал человеческих слабостей, через стремление нашей животной составляющей к удовольствиям, а социальной — к признанию, статусу и понту.

Тотальность второго типа — сейчас фон социо-культуры и его оперативным обеспечением является вся совокупность бытовой техники и электроники, а «кровью» этого тела — Интернет.

Такое соборное «божество» выглядит наружу как КОМФОРТ, а внутрь — как СКУКА, ТЩЕТА И ЛИШЕННОСТЬ.

Путешествуя по Европе, констатирую — тут жесткий тоталитаризм и он все более усиливается.

Найти в человеческом измерении что-либо (кого-либо) из ряда вон — все сложнее.

Поверхностность важно не спутать с расслабленностью; когда люди много чего делегируют машинам и электронике — за это платится большая цена.

Это четко видно.

Современная Европа пуста пустотой отсутствия присутствия, вектора и трения четырех Достоинств Сфинкса о тугую плоть времени.

Европа, как Божество, мертва: и здесь, сейчас, разыгрывается драма неприкаянных скитаний развоплощенных душ.

Проверка в аэропорту и наблюдение за Центром

Скоро самолет на Порту.

Обычная проверка: смотрят вещи, документы.

Узнав, что мы из Украины, выражают некую снисходительную брезгливость.

Более тщательно все перепроверяют, у одного из нас берут на сверку отпечатки пальцев.

От них излучается, что-то вроде «мы тут все о'кей».

Между тем, как по мне, у них, если рассматривать фон, все, совокупно, намного хуже чем у нас.

Единственное преимущество Европы (оно же и то, что ее и погубит) — техника, электроника и комфорт.

В этом путешествии уточняется ощущение соборного духа Украины, не как проекции государства (которое, всегда нормальными людьми воспринимается без особого восторга), а как особого измерения.

«Ни тут, ни там» — первое Имя.

Второе — «Украина = Центр».

Точнее — «Вибрирующий Центр».

Слева от нас — Европа со всеми своими делами.

Справа, через Россию — Восток.

Мы — и не там, и не там.

От нас удобнее всего совершать паломничества во все стороны, хоть к Нотр-Дам Франции, хоть — в Тибет, хоть в Иерусалим, да хоть куда...

При том, что имея ввиду принцип Контраста, означим: мы — в самом выгодном в данном смысле, положении: отсутствие внятного Логоса и наличие мощнейшего тревожного Мифоса, позволяют нам воспринимать Контрастно, с большей ясностью, вообще ВСЕ.

В этом, кстати, и есть Тайна Украины.

Она, эта Тайна, замечательно усиливает самоощущение Центра, которое, в меру своих скромных сил, стараюсь не терять ни в каких обстоятельствах.

Палатка моего Неба всегда над моею головою, где бы я не был.

Порту (по-ихнему, Порто) — Энтронкаменту — Томар

Самолет.

Сегодня мы летим «бюджетной авиалинией», потому салон самолета немного похож на магазин в воздухе.

Стюарты рекламируют в полете какую-то херню, типа косметики (от брендов) и потери.

Вид в окно — облака, далекие горы...

Низ живота, крестец, кости в целом, эти выходы животной души, ощущают высоту неким легким подныванием.

Самолет все время гудит одной нотой, создавая возможность отрабатывать интеграцию с объемом измерения через звук.

Тихонько, но четко, подвываю в унисон самолетной вибрации, стараюсь распознать себя как единый объем с ним (центр во мне, это очень важно).

Этот навык пригождается в Искусстве объединения со Храмом через внутренний звук или через молитву, КОГДА ТЫ И ЕСТЬ ЭТА МОЛИТВА (а не говоришь ее отсюда туда...).

Посадка.

Животное во мне радуется, что осталось живо (хотя ничто не предвещало).

Португалия.

Град Порту.

Еще когда самолет заходил на посадку, созерцали океан и сам город.

Шипящий, почти змеиный, бодрый язык; спускаемся по трапу — земля.

Первое ощущение — океанский разлет в стороны.

Вширь.

Пьем капучино из огромных чашек и наслаждаемся новым чувством Иного Духа Места.

Берем такси — пятнадцать минут, и мы на ж/д вокзале.
Взяли билеты, едем в Томар, одна пересадка...

Здесь грязнее, чем во Франции.

Едем.

В окне мелькают пейзажи, другое небо, океан...

Океан: в окне.

Пока что вижу его из поезда.

Честно: Храмы впечатляют больше.

Пожалуй: вообще существует два вида Красоты. Природы и Человеческая (хотя происхождение человеческой явно нечеловеческое (если она, конечно, Красота)).

Так вот, меня больше впечатляет, когда лучи собраны в пучок: Гото-Романский Храм вырастает и из всей зримой природы, и из нездешних Пространств.

Я делаю первое Подношение Храму, второе — Горе и только третье — Океану...

Читаю в поезде Фламелья: Цвета, Фигуры, Операции — дочитываю первый Трактат.

О чем Он?

Пойду в Париже к Башне Сен-Жак и смиренно спрошу: и пусть ответит молчание.

Ведь в молчании — есть едва уловимый шелест.

В шелесте — шорох.

А в шорохе — шепот...

Быть может — услышу.

Энтрокоменто — пересадка.

Станция больше похожая на какую-то советскую 70-х годов...

Люди тут не такие рафинированные, как мы встречали во Франции, они более дикие, что-ли...

Опять поезд. Темнеет.

Наконец: Томар.

Наверное, самое четкое ощущение дня — облака языка.

Когда созерцаешь человека, область его лба и лица, есть ощущение okayмляющего присутствия некоего настроения: иной язык, иная человечность...

Португальский поражает: много огня, они все время шипят, но это не похоже на змей.

Скорее: будто раскленное железо бросают в воду...

Словно вот-вот и выйдет из-за угла не человек, а хвостатый дракон, — нет, небольшой, но дракон, с изумрудной чешуею...

Томар...

За смешные деньги таксист подвозит нас к жилью.

Мы очень голодны и устали.

Почему-то в этот раз перелет утомил.

Кстати, о перелетах.

Для тонкой составляющей человека, не такая уж это простая и безобидная штука.

Когда ты едешь, пусть очень быстро, в поезде или авто, все равно сие происходит в рамках архэ «колесницы», гирлянда душ регистрирует собственно путь.

Полет более похож на то, словно тебя взяли из этого измерения, с помощью магии поместили в какое-то другое, а потом вернули в это, но в другое место.

Что-то в полете есть от конкретизации Бардо, и не думаю, что в этом странном состоянии, стоит занимать свои составы всякой ерундой.

Похоже, полет — самое время для мощной и тотальной активизации немирского контура себя...

Томар.

Город Тамплиеров.

Ищем где поесть.

Попытка номер раз — какая-то местная лыгарня, сборище подростков в черных плащах, почти съезд вампиров.

Уходим.

Вторая попытка: белый чистый ресторан.

Бокалы зернятся особой огранкой, свет и прозрачная радость исходит от них.

Местные с трудом понимают английский.

Кое-как объясняем: нам приносят жаровницу и сырое мясо — жарьте сами.

Едим, пьем, посвящаем удовольствие местным духам.

Возвращаемся в квартиру.

Открываю окно — и, рукой подать, висит белая Крепость Тамплиеров.

Сон.

Томар-рамоТ.

Среда испита до дна.

Экстаз и энтаз Томара

Твердыня Тамплиеров.

Идем туда.

Улыбчивые, мощные, в том числе крестами Тампля, улочки, ведут нас к горе.

Выходим на Центральную Площадь — памятник Основателю Томара, РыцАрю Храма Гуалдин Паишу.

Слева -Храм: аскетично суровая Романская Башня и неф.

Неф несет в себе и Готику, и барокко.

Попадаем на служение.

Удивительно: португальская молитва звучит как-то очень особенно — она как бы протыкает пузырь мирской озабоченности, выводя куда-то в РАСПАХНУТОСТЬ...

Мы поражены.

Поднимаемся серпантинном к Храму, Крепости, Монастырю.

Ранее, здесь была Твердыня Тамплиеров, после — Монастырь...

Вчера читаю у Фламеля:

«Воздавай во веки веков хвалу Богу, Который одарил нас милостью лицезреть этот прекрасный и совершенный пурпурный цвет дикого горного мака, этот сверкающий и пламенеющий пурпур, который не может измениться или перейти, и над которым само Небо и Зодиак не имеют более власти и превосходства...»
(перевод Глеба Бутузова).

Твердыня Тампля: красные звезды маков прыгают в сознание из нагретых камней и травы.

Запах жасмина, плоды на деревьях — апельсины.

Замок-монастырь просто огромен.

Плитка: ней выложены стены — голубая и золотая...

Больше, все же, голубой.

Множество большущих помещений, переходы, повороты, лестницы — целый город

Здесь, вроде бы, много барокко, явно более поздние импликации.

Но тут оно не совсем такое, как везде — возможно, оно, здесь, первая фаза схождения смысла данного стиля.

Очень много пластических и цветовых коннотаций к исламскому и еврейскому гнозису: сие ощущается вполне.

Барокко, а его символ -Жемчужина, есть детализация и постуляция акватической стихии -отсюда такое абундантио катафатического излишества.

Прекрасно: важно только не фиксироваться в этом долго и выйти в Воздух (тут, частично, кореллят в мире архитектурных форм — Романика) или — в Огонь Готики.

А ложная остановка в Воде как раз и отражается ложным мистическим опытом, довлением эмоциональной приторности, и красотью ради красоты — чем и стало барокко.

Предел, избыток, пресыщенность катафатики возвращает в перво хаос.

Здесь, в Томаре — все это на грани: различимы и Романские логосы форм, и Готические, — барокко только только вылазит из них, но все еще под векторным контролем Романской Башни Храма на шахматной площади.

Кстати, о шахматах и площади: базовый шаг чередующихся черных и белых — РОМБ.

Он — один из тайных иероглифов Верхней и Нижней Истины (восходящая / нисходящая Трикуты) и в Ромбе они только либо сошлись, либо разошлись, либо встретились без смешения, либо — есть базовая однородность звуко-пустоты Корня Проявления.

Когда же Великое Смешивание в разгаре, Лучи и Пустота в акте Иерогамии — мы зрим Шестиконечную Звезду, известную также, как Звезда Давида.

Вернемся к барокко Томара.

14 век — уничтожается Орден, чума, Столетняя Война...

Качество измерения резко падает.

Гото-Романика не распознается уже массой прихожан в той Силе и Чистоте.

Быть может, барокко, сперва, был своеобразный прием ПРИСОЕДИНЕНИЯ: Томар, захватывая внимание средней структуризации через сентиментальный контур эмоций и акватических слоев души, вводит «вирусы» Гото-Романики в тонкую формулу крови...

Позднее, видимо, барокко с сентиментами осталось, а Гото-Романика все же ушла.

Итог: как увиделось мне, Твердыня Томара это Гото-Романика в барокковой упаковке.

Крепость поражает.

Ощущается, что под ней есть огромная вторая, подземная.

Пока достаточно.

Первый штрих данной гравюры начал сочиться живой кровью.

Пора подставить чашу и распознать, не вино ли это?

И какое оно — Белое или Красное?

Важный вопрос.

Томар: есть корень «рам» при прочтении «к сердцу»...

Португальцы в Томаре отличаются от тех европейцев, которых мы встречали во Франции: люди погруженные в свое измерение, с достоинством.

Говоришь что-то на английском — в ответ дружелюбие, помощь но ответят на своем языке.

Надписи не часто дублируются английским, книги про Тампля и историю Томара (вроде как для туристов) почти все на португальском.

Это вызывает уважение.

Такое впечатление, что духи Тампля еще не окончательно покинули эту землю...

Кресты Тамплиеров — они здесь повсюду.

Даже бойница крепостной стены как бы освящает крестом (такова её форма) выстрел во врага из лука или арбалета.

Энциклопедия утверждает, что 90% верующих португальцев -католики.

Пожалуй, в какой-то мере, атмосфера здесь таки религиозная.

Французской Революции у них не было...

Экстаз — это когда тебя вырывает.

Многие, неправильно вырываются, векторно (в том числе — только Вверх, тоже ошибка).

Правильный Экстаз — это равномерный взрыв во все стороны, всем объемом своего Шара.

Энтаз — это самовозврат к Центру и к Осям.

Экстаз, в максимуме, через гиперболу катафатического неистовства, приводит к ошибке ложной пустотности, о которой еще можно сказать «Сатана есть Хлад».

В этом случае Энтаз, есть обнаружение своего ПРИСУТСТВИЯ, «кто наблюдает».

Единство и Равновесие динамик Экстаза и Энтаза, есть Великая Тайна; в Тантре Буддизма она фигурирует как ТРОНДУ.

К сожалению, мало кто понимает всю важность оперативного овладения Экстазом и Энтазом, а также, что самое главное, Искусством их одновременного и равно пропорционального смешивания...

Когда турист вопиет «вон смотри» и резко прыгает вниманием в какую-то частную дребедень — он переживает очень некачественный симулякр Экстаза, а когда делает селфи — то Энтаза.

«Все едино». Только кому оперативно легче от данной фразы?

Мануэлино, Томар и два моих Авалона

Оказалось, что то, что я ранее, в предыдущих статьях, обозвал барокко, является его подвидом и предтечей, вариантом, по имени мануэлино.

Интересно, что считается: на данный стиль кроме готики и арабского искусства оказало влияние наследие индуизма, посредством португальских мореплавателей.

Сие только подтверждает ранее приведенные тезисы про катафатический избыток, который имеет место во всем Индийском искусстве...

Жара.

Хотя сейчас конец апреля -здесь жаркое лето.

Гуляем по городу, входим в пространство местных Храмов.

Удивительно.

Инаково.

Тамплиерские Кресты и сине-голубые, очень нежные и свежие узоры, здесь всюду.

Посещаем Синагогу Четырех Колонн, Храм на дальней горе...

Апельсиновые, лимонные деревья, увенчанные плодами, тут в изобилии.

Быть может, Тамплиеры зрили Томар как своеобразный противовес Иерусалиму: там — Восток, здесь — крайний Запад.

Центр Томара чем-то напоминает Львов: такие же дома-шкатулки.

Проясняется кое-что касательно Тамплиеров.

Томар, как их Западная Твердыня, показателен.

Ощущается вообще в каком-то суфийско-исламском обрамлении, с — каббалистической сутью, при этом, сами Тамплиеры — что ни на есть: христиане.

Вот Плод эпохи Крестовых Походов: Восточная Ось Знания, воплощенная, практически, в империю Тампля.

Как некий равновеликий противовес этого Авалона, пережитый в данном скитании, чувствуется Наш Норд: Мон-Сен-Мишель.

Голая апофатика скал и камня, никаких тебе апельсинов с лимонами, напару с мануэлино; чистый Север, грустные крики чаек и вектор — не к восходящему Солнцу (кстати, все правильно: по закону «не от мира сего» Восток проявляется через противоположность — Запад (Томар)).

Может потому, обнаруживаю, что Тевтоны, все же как-то немного ближе именно своим нордизмом...

Мон-Сен-Мишель, в моем мире, однозначно резонирует братьям-Тевтонам...

Интересно, что пребывая последний день этого паломничества в Страсбурге, в Храме Дамы, я, выйдя из него зашел в сувенирный — потянуло; там увидел, плохенькую, но фигурку — Тевтонского рыцаря. Почему-то очень захотелось его купить, однако не купил...

Это был знак: читаю удивительную статью Александра Рыбалко, израильского исследователя Каббалы, «Оккультизм Тевтонского Ордена» (в интернете есть, найдете) и вдруг многое проявляется.

Все же ориентация — Север, для меня более сущностна, чем Восток (хотя и эта Ось архиважна).

В упомянутой статье как раз описывается связь Тайных Знаний, Святой Земли, масонов (в истинном смысле этого слова), Страсбурга и его Храма.

Паломничество сие;
Смысловые Точки:

— ПАРИЖ: Нотр-Дам и Сент-Шапель — Двойка; острие, стрелка компаса — Башня Сен-Жак;

— МОН-СЕН-МИШЕЛЬ: Наш Север(первый выход на Тевтонов);

— РЕЙМС: точка «Вхождения в Царствие»;

— МЕЦ: нордическое «победить дракона страстей» (точка пересечения Тампля (их Капелла) и Тевтонов (Норд и связь с Германией));

— СТРАСБУРГ: фиксация опусов Нашей Дамы, печать Силы и Свершения (второй выход на Тевтонов);

— КАРКАССОН: ключ от Юга и Жара; Альбигойцы, пролегомена к Тамплю и Иерусалиму;

— ТОМАР: Ось Восток, Тампля, Империя; связка Ислам-Иудаизм-Христианство...

Контрасты: источник ясности, «чем ночь темней — тем звезды ярче».

Как же, все таки, ВОСХИТИТЕЛЬНО, что все это ЕСТЬ!

Чистый Четверг. Вечер. Томар

Оставив своих учеников и друзей А. и Б. отдыхать дома, я ныряю под прохладное одеяло вечера.

Томар похищен предзакатной свежестью, и все совсем по-иному.
Благословенное время сумерек раскрывает измерение в его сущностном серебре...

Поднимаюсь на горку, недалеко от Твердыни. Небольшой закрытый Храм, пара старых деревьев за ним и парочка, сидящая на паперти лицом к ныряющему красному солнцу.

Видимо, что-то делают.

Я обхожу строение и иду к деревьям: Томар как на ладони.

Очень близко подбегает заяц, птицы предзакатно хлопочут.

Яснение усиливается: видна структура и послание Тампля...

Центральная площадь: основатель Твердыни, в камне, обернут к Храму.

Слева от него — Романская Башня.

Справа: сам неф в стиле мануэлино.

Все очевидно: апофатическая свежесть Башни, дух и Пространство.

Катафатика барокко-мануэлино...

Причем Башня очень аскетична и конкретно выделяется на фоне всего городка, — она как бы запускает его в бесконечность Неба.

Немаловажно, что на Башне — Часы (время) и Колокола (первозвук-Слово).

Храм рядом, напротив, как бы сливается с домами Томара, вырастая из них: логично — проявление к проявлению.

Созерцаем Великое Равновесие двух аспектов Истины...

При всем этом, Твердыня, подобно Граду Небесному, парит над городом.

К ней восходит фаллос Башни...

Закат.

Я уже дома: смотрю в окно.

Крепостные стены окрашены то ли заходящим солнцем, то ли подсветкой, — так или иначе, они горят оттенком, близким к золотому.

Я уже писал, что лазурный и золотой — тут два основных цвета.

Конечно, лазурь кореллирует с Пустотной безжалостностью Башни; а золото — катафатическим нисхождением Огня Любви.

Под небом голубым, есть город золотой...

Его имя: Томар.

А прозрачные ворота — на любой улочке-шкатулочке.

Но как такового, бюргерского уюта здесь нет: Стрела Логоса беспощадна.

Мир — шахматная доска с ромбическими клетками, а вектор указывает серый камень Романской Башни.

Вокруг: шипение драконьей речи...

Улочки-шкатулочки: прекрасны — но они пассажиры, находящиеся в ожидании старта Вверх, минуя черно-белые клетки.

Тамплъ зашифровал себя в Двойке: всадников на лошади-то два, вопрос, нужно ли коня считать Третьим?

И чем ЕСТЬ сей боевой друг и брат?

Черное. Белое.

Крест — Красный.

Аркан.

Загадка отгадывается, зачастую, открытием новых двух...

Томар: постигая эссенцию Средних Веков...

Просто путешествовать, как некое сытое животное и носитель статусов, потребляя развлечения и впечатления, по сути, есть преступление, так как волею благих причин судьбы, дана возможность иметь избыток ресурса — и это ответственность перед самим собою и всеми теми, кто не в состоянии свершать паломничества.

Просто путешествует либо «свинья», ориентированная на развлекуху разного рода, либо «цепной пес», жаждущий приключений...

Человек, если он Человек, то всегда обращен, в той или иной форме, к Смыслам и Истине — потому его удел: искусство паломничества.

Это когда ты скитаешься не только низшими душами, но когда о плоть времени и пространства трется синергия Сердца и Разума.

И они пытаются постичь; из ведра молока извлечь масло...

Европа, если говорить о паломничествах, это, в первую очередь, Средневековье. Самое Светлое Время в её истории.

Собственно, и ехать сюда имеет смысл либо за выше означенным следом, либо за тенью античности, либо — в формате скитания в дикой природе (что весьма ограничено здесь).

Европа как таковая в современной данности, для человека, обладающего Сердцем и разумом, никакого интереса не представляет.

Европа — это прошлое...

Еще раз повторюсь: впечатления сами по себе, даже весьма позитивные и приятные, не значат вообще ничего — если они усвоены вне осей смысла и поиска присутствия Священного — они, не более чем оперативность животного (в вариантах жертвы или хищника) и представляют собою не вполне удачные сублимации неуравновешенной сексуальной энергии.

Кстати, у кого более менее решен вопрос сексуальности, у того нет острой потребности в странствиях, как в поиске именно впечатлений.

То есть активен не эмоционально-телесный канал; актором является проявленное триединство в относительном равновесии...

Итак, попытаемся предельно кратко осознать нечто касательно сути Средневековья.

Про Средние Века написано огромное количество научных трудов, снято немало фильмов — потрудились на славу...

Но толку от этого практически ноль.

Мало того, что навязывается откровенно предвзятое отношение к этому периоду (в частности, он называется «темными веками»), мешает еще привычка западных людей за деревьями не видеть лес — то есть увязать во множестве частных так, что потом невозможно собрать целостную картину и извлечь из нее смыслы.

На деле, истина проста.

Настолько проста, насколько и шокирующая.

Смысловая эссенция Средних Веков, СОБЫТИЕ-ОПОРА, краеугольный камень, Золото, — это Взятие Иерусалима 15 июля 1099 года.

Христианство, с Богом-Человеком И(Ии)сусом Христом — в свое время взорвало логику языческого мира.

Рухнула Римская Империя...

И вот: Тысячелетие Христа, 1000 год.

Мы, современные люди, даже не можем себе представить этот шок.

Ожидание Конца Света, Второго Пришествия...

Нет, это не эмоции и не истерика — не стоит судить всех по себе.

Это: СВЯЩЕННЫЙ ТРЕПЕТ.

Трепет Ужаса и Восторга.

Что-то должно ИЗМЕНИТЬСЯ.

И уже где-то с тысячного года нисходит Знание Формы Романики.

Инспирация набирает силу...

Иерусалим — Золотой Город, запредельная мечта каждого христианина.

Паломничество...

Город все еще в чужих руках, христианские паломники терпят насилие и поругание.

Так вот, всего 99 лет раскочки — 15 июля 1099 года Небесный Град взят.

Рыцарь Летольд, а потом Готфрид Бульонский и Танкред Тарентский первыми врываются в Святыню.

Позже, Готфрид, став правителем, отказывается принять титул короля, одеть корону там, где Спаситель одел на чело Терновый Венец — и он принимает титул Защитник Гроба Господнего.

Для людей внимательных и обладающих Сердцем сие уже повествует об очень многом.

До 1187 года, то есть 88 лет, Иерусалим — Град, определяющий всю Ось Истории и Смыслов Европы; Самим этим Городом правят европейские рыцари и монахи.

Возникают Рыцарские Ордены.

С 1099 по 1187 год — время обретения эссенции, Инспирация наиболее мощная и откровенная.

Нисходит Чудо Гото-Романского Камня.

Вдохновение и Смыслы максимальны.

1187 год 2 октября — Иерусалим взят Саладином.

Нет, это событие еще не отсекает поток Инспирации.

Организовываются походы с целью отвоевать Святой Город. Живы и здравствуют Ордена Рыцарей-Монахов...

Первый серьезный удар наносит Филипп Красивый и Папа в 1307-1314 годах уничтожая Тампль...

Вот тогда, в 14 века и перемалывается всё, что было достигнуто...

После — стагнация и упадок.

Итак, формула итога.

КЛЮЧ:

— Бого-человек Иисус Христос.

— место: Иерусалим.

— время: Тысячелетие.

ПРОРЫВ В СЕРДЦЕ СВЯЩЕННОГО:

— взятие Иерусалима в 1099 году.

ПРЕБЫВАНИЕ В СВЯЩЕННОМ СЕРДЦЕ:

— 1099-1187 годы.

УТРАТА СВЯЩЕННОГО ГРАДА:

— 1187 год.

НАЧАЛО ОТСЕЧЕНИЯ СВЯЩЕННОГО:

— разгром Тампля: 1307-1314 годы.

Никогда Священное и его лучи, в частности, Храмы, стили в архитектуре, не обуславливались мифическими «экономическими реалиями», «развитием производительных сил» и прочим подобным.

Историю движет Вдохновение, его качество, либо его потеря и отсутствие.

Великие Географические открытия начались не потому, что ранее ее было необходимых денег и техники, — они произошли по причине утраты Центра.

Сфера Бытия европейского мира тысячу лет обращена к своему Центру — Иерусалиму.

Потом — 88 лет пребывала в нем. После — Центр утрачен, и с уничтожением Логоса и Мифоса Священно-центризма утрачено упование на его повторное обретение.

Внимание обращается на Край, Периферию — вот вам и географические открытия: энтаз вхождения в Иерусалим сменяется ложным экстазом территориальных экспансий...

Твердыня Томара: второе причастие

Томарская Твердыня — огромный город множества странников, искавших пути к Истине и Богу.

Хорошо, что пошли второй раз.

В первое вхождение в Сакральное пространство ни коем случае нельзя сосредотачиваться на деталях.

Только — сканирование в целом всем собою нового измерения (экстаз), параллельно распознавая вхождение Его присутствия внутрь (энтаз).

Когда первый контакт иерогамии состоялся, можно уже читать отдельные объемы, их послание и символы, но (!) исходя из уже усвоенного общего Звучания.

ПЕРВОЗВУК — СЛОВО — ЛОГОС — ПОРЯДОК — СТРУКТУРА:

— эти НЕЧТО как раз ровно на перекрестке апофатики и катафатики; на перекрестке Истины, и потому -наиболее сущностно.

Вот из их оперативности и происходит священный разговор и сакральное молчание.

Камень познает Камень; Совершенство пробует вспомнить, что оно таково, смотрясь в зеркало себя же...

Тамплъ, без каких-либо сомнений, несет в себе глубокое Знание.

Оно сокрыто.

Но не исчезло.

На потолках — множество структурообразующих ритмов в виде лучей и вуалей...

Описывать Твердыню Томара короткой статьей бесполезно, столько здесь всего много: если попытаться изложить на бумаге только то, что замечено сегодня, выйдет увесистый том...

Туристы, какие-то португальские юные животные — орут, бегают; московские туристы, животные постарше — орут бегают: жаль, времена инквизиции в прошлом...

Гуляем по городу, полдень, солнце беспощадное.

За рекою находим Гото-Романский Храм: прекрасен.

Над его входом — Роза, под нею — Пламенеющая Пентаграмма (правда, частично, сбитаая какими-то добрыми людьми).

Скоро отъезд.

Собираемся.

Все возвращается на свои круги: нас ждет Нотр-Дам де Пари, Башня Сен-Жак и капелла Сент-Шапель.

Брызги Святости белого вина распознавания...

Уходя из Томара...

Томар — городок небольшой и за полтора дня я, с помощью карты и перемещений вдоль-поперек, неплохо его выучил, включая выходы в сельский пригород.

Река, центр с улочками-шкатулочками, Твердыня на горе, странноватые Храмы мауэлино, брошенные на два соседних холма...

Единственное: не успел поклониться одному Храму, за рекой, напротив ж/д.

И вот мы уезжаем.

Жара невероятная.

Все плавится.

Осознавая Тамплъ и Его присутствие, контур его подвига, вообще не понимаю, как эти Воины могли сражаться в Святой Земле, к тому же -закованные в железо доспехов.

Для этого мало одной только силы воли...

Семь минут, проход по улочкам, в окне одного из домов -царственно восседает рыжий кот, — мост: мы у Храма.

Слава Богу, — Он отворен.

Заходим...

Неимоверно: Храм Нашей Дамы.

Прямо над алтарем, чуть выше, пламенеет Пентаграмма, как Звезда Парадигмы. Она невелика и её присутствие сообщает неиспываемую нежность.

Напротив, над входом -Роза.

Она прозрачно аскетична.

Высокие колонны, уже знакомые Лазурь и Злато, древние надписи латиной на стенах, перечень Рыцарей Тампля у стоп Девы, гербы на плитах пола...

Пребывая тут, понимаешь насколько условны термины «романский», «готический», — здесь, явная Романо-Готика.

Истина Формы.

Нет слов.

Нет эмоций.

Тонкая вуаль Знания...

Мы возвращаемся на север Франции, в измерение Нотр-Дам, которое покинули, уезжая из Страсбурга в Каркассон.

И этот Храм нас как бы провожает, освящает Десницей Нашего Севера, возвращает к Полярной Звезде.

Лазурный Ключ среди жаркого южного моря.

Эссенция Тампля.

Целую прах времени на ступенях Твоих.

Храм Нотр-Дам.
Томар.

P.S.. Кстати, небольшая ручка двери Храма, что на площади ромбовидных черно-белых клеток, сотворена в виде небольшой золотой восьмерки.

Ты касаешься её, входя в Святыню: Любовь и Вечность, прикосновение к Ним, открывают Врата Истины...

Энтрокаменту: пересадка

По дороге в Порто, пересадка и мы 40 минут в городке Энтрокоменто.

Не сговариваясь, быстрым рывком, выдвигаемся в центр.

Ориентир: Башня, судя по всему, местного Храма.

Восемь минут — и мы на центральной площади.

Храм: белый камень.

Довольно большая площадь; с немалым удивлением замечаем Лабиринт на площади перед Храмом.

Сам Храм, вроде посвящен Святому Семейству.

Крест, похожий на тамплиерский...

Пробую сориентироваться в Лабиринте: вход в него со стороны Храма.

От дверей Собора ведут две каменные полосы — черная и белая.

Белая переходит в ступени, ведущие к паперти и, видимо, резонирует, с белым камнем стен.

Черная — как раз ведет в Лабиринт, то есть вход в него, со стороны Храма...

Заходим: молятся.

Почему-то одни бабки (по крайней мере нам так показалось), священника не наблюдается.

Ощущение от всего этого какое-то странное...

Выходим: с двух сторон от входа Павел и Петр, Ключ и Меч; какие-то демоны...

Вот тебе и на: во Франции Шартрский Лабиринт закрыт, в Амьене тоже, в Реймсе — вообще уничтожен.

А тут, не понятно что, не понятно где, Лабиринт — ходи не хочу: но вне Храма и наружу...

Энтрокоменто, его измерение, очень напомнило настроение некоторых глав «Рукописи, найденной в Сарагосе»...

Почему-то уезжаем с облегчением.

Хотя что-то такое, щелевое, таки промелькнуло.

Какой-то важный намек...

Непростая Португалия: «Солнце ныряет в вечерние воды»

Энтрокоменте оказалось Энtronкаменту — тот странный город называется именно так.

Он, как сие не странно, основан в 1945 году и является важнейшим ж/д узлом.
Странно, что в таком современном месте такой Храм (или храм...)...
И лабиринт...

Вообще говоря, Португалия, самое западное государство Европы.
Это говорит о многом, ведь Запад — страна мертвых.
И: Океан...

Португалия похожа на Дверь в иномирье: все здесь вроде то и как много где — да не то...

Экзистенциальная струна отчаяния, что ли; еще одна Украина, в смысле, «межа», «межмирье», «княжество перехода»...

Подъезжаем к Порту: океан почти проглотил солнечный диск.
Диффузия легкой тревоги и предстартового тремора жил, будто всё готовится к отплытию.

Может, Португалия обернута в онейрическую многозначность водного тимпана?
Фата моргана берега: утлый челн на алтаре иллюзий.
Или это все — особый, тайный, ход на Восток?

«PORTA» — «вход», «дверь», «выход»...

«PORTUS» — «гавань», «убежище», «пристань»...

И снова вечер: здесь, в пространстве, где океан только что проглотил солнце, это как-то особо.

Какой-то намек.

«Кале» — что означает сие кельтское название?

Созвучно, весьма созвучно, «Кали».

Синеет наступающая ночь...

Порту, вокзал.

До самолета еще восемь часов.

Ныряем в эту синеву.

Португалия: резкость не наводится.

P.S.. Поужинали.

Понравилось не всем.

В аэропорт.

Таксист — сухенький дедушка с орлиным носом и угольками черных глаз.
Едем.
Убегающие огни.
В глазах таксиста я разглядел печаль.
Печаль волны по своему океану.
Резкость навелась.

Сидя в Порту, в Португалии, в аэропорту

Ночь.

Тем не менее: свет.

Стерильный свет: аэропорт не похож на порт, он как-то операционно медицинский.

Всё чрезмерно аккуратно: паспорта, билеты, регистрация, странная узкая и длинная машина.

Ожидание.

Около двух ночи по-ихнему (по-нашему, четыре); короткий сон в кафе на кресле не решает вопроса; стекло и металл залиты странно ампутированным белесым светом.

В таком свидании — все как-то чрезмерно процедурно: время обретает тенденцию к слепому схлопыванию и возникает вопрос, в чем больше шага познания — в амплитудах таскания по Храмам и монастырям, или, когда в аэропорту готовят душу к ампутации собственно щедрости пути-дороги, переноса, над облаками, в такую же стерильность другого металла, стекла и бетона под пластиком.

Скопище разноязыких скучностей: ведь лишь бы безопасно, а остальное — не так уж и интересно.

Шелест, листья, взлетающие самолеты...

Тамплиеров сделали брендом и летают к ним на самолетах.

Евгения Головина, его же «друзья и ученики» делают брендом (чего только стоит томик воспоминаний о нем, «я Ленина видел») и летают к нему на фотографиях и поминая при случае...

Бренд — это самолет, а тренд: маршрут его полета.

Аэродром, аэропорт — магазины и склад; тогда — ТРЦ: храм с причастием, а бесконечные фото — способ выдавить нарыв своего отчаяния в землю обетованную.

Гной не выходит, а взрывается вглубь, создавая впечатление, «что поправился (-лась) и неплохо бы похудеть» — слава богу, есть фитнес...

А еще, для тех, кто поумнее и посублимативнее — библиотека или венлок ритритов.

Поехать отдохнуть — все равно, что выдавить нарыв.

«Набраться впечатлений» — это когда нарыв оказывается запором, но тебя умело отвлекают «посмотрите направо, посмотрите налево»...

Томар, вчерашний вечер, холмик, закрытый храм: он и она на паперти «вбирают закатное солнце», наверное, много читавших про коды брауна свербят нарывами куда-то сюда.

Зря, заяц прибежал с другой стороны — плевать он хотел на «мистерии светил»...

Европейскость замечательно уместается в мульти систему типа мобильника или планшетки (интернет и фотоаппарат всенеприменны) и в чемодан на колесиках.

Хорошо гармонирует с операционной аэропорта...

Впрочем, «нормальные люди» не замечают всего этого: а зачем — ведь удобно и быстро.

Момент контакта с духом Португалии длился недолго: черные угли глаз, в старенькой поношенной кожанке с характерным запахом, уехали на таком же старом мерседесе, унося с собою печаль западной волны.

А аэропорты всюду одинаковые: это я уже понял точно.

Порту-Париж (перелет)

Последние десяти минутия перед стартом.

Проверки пройдены, скоро самолет — молитва — берег.

Беседую с А. и Б. — выясняется, что они, почти металлы, а некто — почти кислота...

Стоим очереди: одну, вторую.

Речь заходит о том, что любая духовная практика должна делаться в тайне от непосвященных:

1-я причина — дабы никого не раздражать и было больше шансов остаться в живых;

2-я причина: не кормить свою гордыню посредством «я-актера-на-сцене».

Садимся.

Летим.

Почему-то этот перелет всеми нами ощущается очень тяжело. Приземлившись, не сговариваясь, удивляемся этому приятному факту; похоже были на шаг от чего-то, тем более, что посреди дороги приказали всем пристегнуться...

Но, слава Богу, сели.

Фанфары: все хлопают.

Пошло.

Выходим.

В идеале, посадка в самолет, неплохо, дабы шла по такой схеме: исповедь — причастие — в полете, молитвенник и Евангелие (для Запада, имеется ввиду).

Поражает, насколько быстро граждане привыкают к чуду перелета, кстати, к чуду, которое максимально ярко демонстрирует, что от нас, людей, зависит, в лучшем случае, не более половины успеха (и то -от пилота, техн. услуги и т. д.), — от

пассажира нечто зависит лишь относительно его тела намерения (молитвы или мантры).

Шутка.

Учитывая, что в каждой шутке есть доля шутки...

Бове: пьем чай, готовимся к новой встрече с Храмами.

Полет напомнил: смерть всегда на расстоянии вытянутой руки...

Это осознание явно освежает.

Камень Бове

Аэропорт — такси: десять минут, Бове.

Небольшой городок с большим Храмом.

Сей Храм посвящен Апостолу Петру.

Камень.

Собор не достроен.

Он громаден и вознесен в форме Креста Петра.

Петр — равновес Апостола Павла.

Ключ и Меч.

Храм Ключа и Камня.

Впрочем, окончательного плода не проявлено: Собор не достроен...

Операция разделения.

Храм всецело выброшен вверх: это тот же цикл Нотр-Дам, но — вход через иные Врата.

От притвора до алтаря — все тот же Крест в плане, однако, здесь, это Крест Святого Петра и его пропоция Вертикали обратна привычной.

Сей факт сотворяет другое Присутствие, на иной сакральной ноте...

Символично и то, что здесь Делание как бы не завершено: и мы тут в субботу после страстной пятницы.

Некая пустота.

В Храме находим ссылку на Эклизиаста...

Витражи в особой, уникальной гамме, причудливые часы.

Недалеко, прямо рядом, две огромные Романские Башни и ворота.

Собор дружит с городом и растекается в него пикардийскими домиками.

Гуляем: у ж/д, парк-настроение — камни, водопадики, деревья-великаны, ровно стриженная трава (над ней хочется скользить полетом на небольшой высоте).

Бове как бы немного сдержан с нами: сразу дав войти в главную Святыню, прикрыл двери ко второй — Собор Святого Стефана закрыт и может впустить нас только через два часа...

Вообще, мы собирались посетить Бове, как бы по дороге: однако, городок, его Дух, заставил нас проявить уважение.

Возвращение в Париж откладывается на пару часов: кафе у парка, капучино, пирог и подношение радости созвездию божеств Бове.

Здравствуй, Север.
Мы вернулись.

Бове. После дождя

Кафе: не особо приветливо приняли местные.

Какие-то два рафинированных индивида, больше похожие на пидаров, как-то так странно обслуживали нас.

Ну, ничего, мы вежливо оставили на чай и пошли себе ко Храму Святого Стефана.

Пидарки сильно как-то напряглись, и уже перед выходом, видать карма у них не сложилась, навернулся свет и вся композиция жизни их кафе...

Все таки, гостеприимство — это правильно.

Никогда не стоит нарушать его каноны: гость от Бога.

Немного побродили Бове и нашли изящную Готическую Капеллу, но внутрь не удалось таки попасть.

Храм Святого Стефана — дверь открыта: мы сами заходим в его чрево.

Собор как бы вознесен в вертикаль.

Обходим.

Аскеза, чистота и печать печали...

Опять кафе, чай — на улице сильный ливень.

Усталость облепляет свинцом, из объема тела начинает захватывать настроение, все притихли, почти дремают.

Тройная композиция близка к отчаянию...

Интересно и весьма ценно наблюдать себя в таких пограничных состояниях.

Тело (ощущения), душа (настроение), сознание (регистрация всего этого дела и увязывание в линии пониманий).

В паломничестве все три испытывают необычные режимы и операции.

Возможно довольно много стратегий и тактик контроля сей триады, управления ею и отпускания «пасться каждую на свои луга».

Когда оно все более-менее живо, можно вести речь о различных душах и их формулах бытия, в том числе — сочтаных и взаимовлияниях...

В любом случае, самая ценная работа тогда (если, конечно, соблюдать меру), когда ты на грани и все черти перешли в атаку, эго пытается самооправдаться; вот по этой слабой досточке, по умению и навыку что-то делать с нею и определяется успех всей композиции.

Еще раз заходим в Главный Храм.

Мощь инспирации ощущается физически: после — еще хуже, чем было; вот и отлично.

В тяжелом и уставшем состоянии, дальним кружным путем (что раздражает еще больше) добираемся до ж/д.

Блаженство и тут не всецелое: уставшие, валимся на свободные кресла, а шестеро негрятят, минут двадцать бегают прямо вокруг нас без остановки.

Невзирая на все прелести и на полное свинцом, состояние моих спутников, стараюсь, как могу хорошо, держать внимание где следует и не отвлекаться на переживаемый ад.

В какой-то мере получается.

Становится значительно лучше.

Садимся в поезд на Париж-Норд.

Похоже, точка Омега данного странствия, странными странниками таки достигнута.

Все, более-менее, смогли сохранить некий адекват, что им самим же и полезно.

Роза обладает не только благоухающими лепестками, но и острыми шипами, наносящими кровавые раны.

Зачастую, кровь, именно от этих ранений (правда, в определенной дозе) и есть лучшим удобрением Цветка-Звезды...

Роза не одна: точнее — их базовое триединство.

В сердце могут сойтись голова и тело...

А могут и не сойтись.

Поезд. Сон урывками. Тяжесть осела, относительно бодрая оперативность проявлена.

Берем такси.

Гостиница, два мудака с похотливым взглядом, управляющие.

Нас это не волнует — в ней задержимся меньше чем на сутки.

Поселяемся.

Здравствуй, Град Нотр-Дам де Пари.

Бове-Париж: серебряные реки звездной Передачи

По дороге из Бове в Париж, в поезде, раз за разом проваливаюсь в сон: видения символов, какие-то храмы, образы текут в смене онейрических пейзажей...

Париж.

Как ни странно, от тяжести свинца, разбитости и усталости, не осталось и следа.

Ныржаем в заводи вечернего города.

Так получается, что выныриваем из метро прямо у Башни Сен-Жак.

Она кажется, будто сотворенной из Белизны слоновой кости.

Проходим мимо Нотр-Дам.

После паломничества по множеству Храмов, этот Собор ощущается по-другому: Он какой-то светлый, легкий и очень нежный (в первом знакомстве больше распознавалась сила и мощь).

Винсент из Бове (1190-1264) — удивительный монах, написавший «ВЕЛИКОЕ ЗЕРЦАЛО».

Сей труд состоит из 80 томов и 9885 глав, представляя собою четыре части (явно, сие связано со Стихиями, а сам труд, с их эссенцией).

Он отражает весь тот мир Светлого Средневековья...

Само название «Бове» можно через звуко-смысловую кабалу интерпретировать как «я иду к чему-то хорошему, красивому, прекрасному»...

Даже не верится, что еще вчера мы ступали в Храм Тамплиеров в Томаре.

Оказалось, что Он посвящен Деве, чудесному проявлению Её Образа на оливе: в этом Храме посвящали в Рыцарей Тампля и в нем покоятся многие местные Магистры, многие наши...

Париж: сны.

Что-то усваивается, проявляется в образах.

Ключ: Дева, Альба — сообщается еще одно её имя «РОТОНДА».

Ротонда в этом паломничестве — алтарь томарского Храма Тамплиеров и сам Храм, возведенный во след Образа Иерусалимского Храма.

Более того, понятие «Ротонда» созвучно «Шар», а также «вращение, перемены» — Rota = Taro.

Великие Арканы Таро...

Символическая Передача Знания, трепетное прикосновение к Ней и смиренное вкушение — вот сама суть паломничества, совершенного тремя странниками, в пору двух седмиц перед Пасхой, лета 2016 от Рождества Христова.

Воскресение.

Пасха.

Христос воскрес.

Из Храмов выкинем органы

Многие годы я был сторонником органной музыки.

Мне очень нравился Бах и казалось, что органу самое место в Соборе.

Это паломничество кардинально изменило мое отношение к данному моменту.

В Романо-Готических Храмах сборка настолько тонка, что там уместно только акапельное пение.

Орган здесь просто вульгарен.

Но по брутальности и неуместности стенаний данного инструмента рекорд побит в Нотр-Дам де Пари.

Мы скоро уезжаем: зашли в Храм.

И, о ужас, орган не просто воет — это какая-то дичайшая какофония звука.

Говоря метафорично: за такое дело всех исполнителей и вдохновителей — расстрелять серебряными пулями на площади перед означенным Собором.

Органная музыка, даже высокого качества, так или иначе, несет в себе такого уровня эмоциональность, что является, по сути, активатором ложного мистического опыта, то есть прелести.

Если же у этих звучаний качество не высокое, то звук органа просто ужасен: сие — прямое осквернение Святыни.

Что и происходит, судя по всему — регулярно, в парижском Храме Нашей Дамы.

Итог печален: видимо Великое Французское Зверство (Революция), оставило неизгладимый след в соборной Душе Франции, попросту уничтожив её основу, оставив жалкие обломки.

Сегодня Храмы всячески оскверняются: ужасной «музыкой», концертами классики (которой, при всей её красоте, все же не место в Храме), световыми люмьер шоу и толпами туристов с их фотоаппаратной похотью...

Чтож, такое время: пик Кали-юги.

Видимо не зря, две последние книги, приобретенные нами — «Цветы зла» Ш. Бодлера и «Путешествие на край ночи» Селина...

Символическая Передача Собора в Бове

Знание может передаваться по-разному.

Одна из форм такой Передачи — Символическая.

Храм возводится, восстает из дикого камня и с помощью огня образов Носителя замысла, перенесения оногo в соответствие с условиями нашего измерения архитекторами, работы строителей, молитв и пожертвований, какое-то, весьма продолжительное время, имеет место быть (и вот что здесь первоматерия Храма?).

Потом Он все-таки возвращается в первостихию дикого камня (впрочем, мы, люди, живем намного меньше Храмов и зачастую, по сравнению с Ними, с ничтожно малым плодом такого бытия).

Но: даже тогда, ведь эти камни, таки были Храмом...

Когда Храм построен качественно и надежно, за Ним, конечно, требуется уход, но в целом его присутствие подобно скале: нерушимо и мощно.

Не таков Собор в Бове.

Он, еще во время строительства, несколько раз обрушался.

Сейчас от разрушения его спасают специальные распоры и постоянный контроль.

Сие Аркан:

— Камень.

Однако: не завершённый.

И: все время атакуется энтропией и только постоянный контроль дает ему стоять.
Весьма прозрачный комплекс намеков для занятых Деланием...

Сам Бове Аркан:

— женщина-воин с секирой;

— недостроенный разрушающийся Храм;

— кабала названия;

— Венсан из Бове и его «Великое Зерцало»;

— мученичество Святого под градом стрел (камней)...

«Удивительное рядом, но оно запрещено» — когда-то спел нечто такое поэт.

Кто запретил?

— Демиург.

Как имя его?.

— Наше Неведение.

Последний аккорд этого паломничества

Остался один тайный день — о нем я писать не буду ничего.

А пока — прогулка по Парижу.

Храм Святого Северина: говорим ему до свидания...

Ищем наш луковый суп.

Одно кафе, другое, — либо нету, либо не то...

Окрестности Латинского Квартала.

Заходим: есть.

Ресторан называется «Данте».

Садимся: профиль великого посвященного Рыцаря-Мистика.

Цитаты из его «Новой Жизни».

Новая Жизнь...

Удачный завершающий аккорд этого паломничества.

Постскриптум: телепортация или Родина и рывок

И все-таки, полет на самолете, дело всецело противоестественное.

Пейзажи в иллюминаторе слишком удалены и слишком огромны, чтобы тело и его созвездие душ верило в реальность перемещения, тем более — на такое огромное расстояние.

Как бы быстро не ехал поезд, он все же не летит и какая-никакая связь с землей и привязка к вехам передвижения имеет место быть.

Перелет четко создает иллюзию телепортации: зашел, посидел, вышел.

Так это как-то очень странно...

Граждан от всяких таких противоречий спасает хорошо наработанная долгими годами привычка регулярно отвлекаться от самого себя же.

В аэропорт едем прямо от Нотр-Дам де Пари, благо такси, относительно всего остального, у них не особо дорогое.

Вот Она: Твердыня Нашей Дамы, — мелькание улиц, немного в пробке, промзона, аэропорт...

Садимся.

Троедневие Пасхи.
Великий Праздник.

Взлетаем.

В принципе, шансов, что самолет сядет, невзирая на всю успокаивающую рекламу, думаю (это логично), не более 50/50.

Наблюдаю состояние разных составляющих себя.

Возвращение на Родину.

Чувствую, что я не привязан особо к ней; но оставаться за рубежом тоже нет никакого желания.

Похоже, мое Небо и моя Родина путешествуют вместе со мною: я очень люблю свой край, но без привязанности.

И я очень счастлив, что родился именно на Украине, именно в свое время.

Не хотел бы я расти, быть молодым человеком в процессе становления, там, в Европе.

Собственно, кроме средневековой Сакральности ловить в Европе больше нечего.

Самолет. Рев турбин.

Время от времени беседуем с А. и Б., моими спутниками о том, как правильнее, лучше встретить смерть.

Этот разговор затеяли они.

Ответы крутятся вокруг того, что если уже ВСЁ, то лучше не суетиться, успокоится, войти в ясное присутствие и все точно наблюдать, стараясь не вовлекаться ни во что.

По крайней мере, что-то такое советуют Священные Тексты и многие Учителя...

Говорим потише, дабы не расстраивать соседей, полет еще все же продолжается.

Пересадка.

Стюарты разносят напитки и перекус.

Видно: летит много наших — у них, у стюартов, уже кончилось, почти закончилось, вино.

Берем и мы: поздравляем друг друга со Светлым Праздником Воскресения Христова...

Вспоминаю: всего пару часов назад мы стояли в Нотр-Дам, созерцали бюсты Людовика Святого и Сен-Дени — поражены благородством их черт, а также — пред очами подставка в виде Чаши Грааля, предназначенная для Тернового Венца, привезенного в Париж Королем. Людовиком...

Жизнь похожа на сон: все иллюзорно, кажется — поведи рукою, коснись особо вуали чувств, и она дрогнет, потечет, проплавится...

Снижение.

Несильное соударение с грунтом и вот мы на Родине, аэропорт.

Выходим.

Воздух свеж по-особому, не так как у них.

Как-то всё живо и струится.

Заходим в зал прибытия, по сравнению с Европой, мягко говоря никого нет.

Думаю, иноземцам, впервые приезжающим сюда, как-то не совсем уютно.

Тревожно.

Другой мир.

Не их мир...

А нам — просто замечательно: будто после знойного дня нырнул в прохладные воды лесного озера.

Контраст.

Немного грустно, но тоски нет: паломничество состоялось.

Что-то кардинально изменилось, в чем-то, напротив, обнаружилась неизменность.

Знаю: ход открыт.

Благодарю всех духов и божеств, что так были щедры и милосердны к нам.

То, что произошло — уже на всю Вечность.

Прощаемся.

Обнимаясь, выражаем сердечную признательность друг другу: странствие сущностно сблизило нас.

Храмы спят в далекой Европе, нет, местным, ходу туда почти нет: фата моргана, фиолетово-серебряная трава, зашила все следы и запутала тропы.

Дороги к Ним начинаются у нас. В особом месте Армянского Храма Львова...

Знающий, найдет дорогу.

Счастье, что мы живем в Стране дрожащего Края и неземной Свежести.

В Украине.

Ни там, ни тут — это значит: всюду.

Постскриптум: P.S.

Жизнь человека...

Всплеск ощущений, чувств, мыслей — будто след в воде: вихрение, бытие разного рода волн и турбуленций, дрожание ускользающих смыслов и... разравнивания в бесконечность массива Вод...

Чтобы — опять низвегнуться волною, не помнящей предыдущую инкарнацию.

Битие о скалы забвения и айсберги потерь-расставаний.

Колодцы свиданий в конце концов съедает песок пустынь...

Соединение миражей и оазисов, порою, различимы веховые столбы Храмов.

Кто куда?

— Как может.

Если сказать более-менее безжалостно и прямо, но языком мифоса и признания, то человек, как бы выведен, выращиваем, божествами и демонами (лха и дрэ в тибетских Традициях) с целью питания его активностями: ощущениями, чувствами-эмоциями и мыслями.

Можно сказать и так: ощущения, чувства и мысли — все это некие состояния, а оные и есть божества (в широком смысле).

Пока человек не распознал и не укоренился в распознавании некоего ЧИСТОГО ПРИСУТСТВИЯ, пока он не разотождествил свое «я» с вышеупомянутой тройной активностью — он просто еда.

Но есть одно очень важное «НО».

Грубо говоря:

1) демоны отвлечены на интенсивности движения — то есть на Силу;

2) божества отвлечены на Пустотность или Блаженство.

Ни те, ни те, вследствие этих отвлечений на могут распознать Истину, ключ к Которой и есть Чистое Присутствие (возможно, именно в этом сокровеннейший смысл Первой Заповеди Блаженства).

Человек, как это ни странно, благодаря трагизму своего бытия в Украине, то есть: ни там, ни здесь; будучи слабее и демонов, и божеств; тем не менее МОЖЕТ избежать вышеупомянутых отвлечений и прямо войти в Истину, навсегда победив все формы страдания.

То есть в человеке есть уникальная форма ВОЗМОЖНОСТИ, которая имеет потенциал, превосходящий тех, кто как-бы его пастухи...

Жизнь — это паломничество.

Особая форма внимательного, а потом, если получится, то в присутствии, но без усилия, бытия.

Тот, кто бдит и что-то ищет — у того появляются шансы.

Шансы обрести Свободу.

Шансы, узреть, что он в пустыне, но — что и есть, пусть небольшая, но есть, возможность превзойти тщету бытия, освободится от надежд и страхов, познать Истину и стать Свободным.

Европа, Украина...

Да хоть что: всюду есть какие-то контекстуальные плюсы (которые в других обстоятельствах и контекстах становятся минусами); всюду — одно и то же неведение (просто в разных его вариациях и формах).

Так или иначе, тот кто занят Деланием, рано или поздно, станет перед вопросом разотождествления с любыми сообществами, привязанностями и ненавистями.

Небо Истинной Родины обнаружится над челом, где бы эта самая маковка не эманировала свое приветствие Храмам и Звездам.

Наше Паломничество...

...это наше паломничество, закончено.

Мы преклонились перед запредельным Чудом Романо-Готических Храмов, Твердыней Тампля, Нашей Дамой...

Все это — там, в Европе.

Вернулись: в еще серебряные реки Украины.

В её озера свежести.

К её людям, пусть где-то грубоватым, но живым.

Это — здесь.

Там, одни проблемы: их граждане-животные как бы кастрированы. Здесь: другие — наши все более оскотиниваются нарастающей брутальностью и отсутствием идеалов...

И там, и тут: без Пути Воина, тропы осознанной собранности, без единства Мудрости и Силы, повседневной практики Пути Дееспособности и Дороги Знания, шансов нет никаких.

Сердце -неподвижный Центр динамоса бытия: когда Ось проходит сквозь него, все приобретает оттенок Единого Дома.

Но и: тотального Одиночества.

Соединяется как бы несоединяемое на первый, да и на второй (и третий...) взгляд.

Постепенно уходят противоречия Магии и Мистики и все более, Совершенство в равной мере проявляет себя и через аспект Силы, и посредством Мудрости.

А когда в наличии то и другое — спонтанное сочувствие может изливаться все более точно, уместно и соответственно обстоятельствам.

Сие и есть Путь Любви.

Вуаль и эманация Нашей Дамы, тончайшего Божественного Присутствия, которое тождественно Сокровенной сути наших Сердец.

Сие паломничество:

— Нотр-Дам де Пари, Сен-Жак, Сент-Шапель, Собор Святого Северина, Собор Сен-Жермен, другие Храмы Парижа;

— Шартр, созвездие Его Храмов с Алмазом Нотр-Дам в центре этой Короны;

— Храмы Ренна;

- Святой Остров Мон-Сен-Мишель;
- Руан, где была мучима и казнена Святая Жанна Д'Арк;
- Белая Альба Амьена;
- Храм Королевской инициации в Реймсе, Святая Стекланница;
- Храмы и Капелла Тамплиеров в Меце;
- Пылающий Страсбург;
- Каркассон и его Храмы;
- Аббатство Кон-Минервуа;
- Томар: Твердыня Тампля и Храм рыцарского Посвящения;
- Энтронкаменту: небольшой городок со странной церковью и лабиринтом;
- Порту с его Океаном, глотающим Солнце;
- Собор в Бове, напоминающий о необходимости сиюмгновенного бдения;
- и, Нотр-Дам де Пари, место, где хранится Терновый Венец Спасителя...
- Всем Вам кланююсь я.

Кланяюсь моим спутникам в этом странствии.

А также:

— всем людям, духам и котам; всем тварям видимым и невидимым; всем — кто помогал и чинил препятствия, —

всем кланююсь я.

Пусть Благо, проявленное и накопленное во время этого паломничества, станет бесконечным, распространится во все десять сторон и в три времени, и освободит всех живых существ от всех видов страдания.

Да будет так.

Черное Солнце (эссе о крови Символа)

Символ.

Знак.

Печать...

Они захватывают. Они заставляют обратить на себя внимание даже тех, кто не особо желает «вкушать соль ярых штормов».

Мы все, даже находясь в не особо внятном океаносе ощущений, именно посредством символа и его реальности, то есть — мифа, сопрягаем все эти запчасти в подобие миров.

И те, кто спускает символы, те и становятся архитекторами этих «наших» миров.

Символы — кровь сего измерения и ключ от других.

Но печати — закрыты и сокрыты.

Мы, люди этих мест и времен, привыкли пытаться найти смысл и значение через прямую процедуру: «то — это то».

Мы ищем опоры в конкретике и однозначности, а символы подменяем ярлыками.

Между тем Символ дышит, он клубится облаком, представляя своеобразную единую пороговую реальность...

Чтобы, хотя бы приблизиться к постижению символа, необходимо иметь особое равновесие своих составляющих; много такой же subtilной энергии внимания (а это значит — тебя не должны волновать мирская суета, ты уже не интересуешься политикой, культурой и социумом **ВООБЩЕ**); перья твоих крыльев обожжены аскезой и отчаянием запредельных вопросов (которые —долго без ответов); ты более-менее научен терять и прощаться (в том числе — **НАВСЕГДА**); и твоя повседневная оперативность — есть свет безусловной Любви...

Символы открывают себя только тем, кто на пути к Святости и всесовершенной мудрости; при этом, манипуляции символами (по принципу «сломанного телефона»: «дуракам закон не писан, если писан — то не читан, если читан — то не понят, если понят — то не так») любимая тема всевозможных кибернетиков: управителей-посредников людским стадом.

В этой связи достаточно вспомнить глубочайший Знак («Знак» — синоним «Символа» и происходит от «Знать», «Знание», намекая этим самым, что сие — вотчина Высокой Мистики), Свастику.

Мы можем его созерцать в контекстах Дао, Буддизма, Бон; ранние христиане, зачастую, чертят сии ритмы в плетеве узоров; в конце концов — археологические находки на территории Украины несут на себе контуры множества вариаций Свастики.

Но: в массовом сознании — Свастика прочно ассоциирована с фашистами и Третьим Рейхом...

Знаки обесценивает их применение в социальных играх-войнах, хотя вполне понятна очарованность властей суггестией Символов и замиранием толп пред ними, подобно неподвижности мыши напротив кобры...

Знак — висит в безбрежном Небе изначальной Пустоты и Простоты; его парус надувает ветер Свободы.

Одновременно: Знак — проявлен как язык, манифестация этой самой Пустоты и являет собою витражи, порождающие феерию светоносных Узоров.

Знак: это Украшение Всесовершенной Истины, один из языков, которыми Она сообщает о Себе Себе же, подобно тому, как Океан осознает себя через Волну, а Волна — существует относительно дыхания Океана...

Язык Символов и проще и сложнее (причем: намного) того, в рамках чего нас приучили жить, думать и чувствовать.

Знак невозможно понять через дискурсивный разум; а в поле мышления — Символы попросту нечитаемы; не хватит и одной лишь интуиции...

Символ познает (точнее — продолжает познавать, Умное Сердце, или Сердечный Разум — союз наития, различающей мудрости, аскетичности и любви).

Символ всегда предполагает равновесие множественности значений и некоего, тем не менее, единства своего измерения (является «миром», точнее — «вокзалом из которого отправляются корабли в самые разные миры и вселенные»).

Символы связаны друг с другом сложными и витиеватыми нитями вдохновения, восторга, ужаса, смысла и печатей Таинств...

Знак, из своего базового комплекса миров, стекает к нам в виде звука, определенных свойств и характеристик; формы; цветового решения и является корневой матрицей всевозможных Искусств.

Именно Искусств, ибо оные воплощают в себе принцип Изобилия и потому истекают благой щедростью «дождей не отсюда» на нивы тривиальности, тем самым, засевая и питая семена восходящих птиц (а также таких, которые способны обнять крыльями рой значений, вернуться в пепел и сызнова восстать из него...).

Веселье и радость в том, что Символ более-менее адекватно объясняется только через другой Символ (и даже: Символы), то есть — Тайна разъясняется через веер других Тайн; имеем ввиду, что «Тайна» здесь — завораживающий брак внеэмоциональных Восхищения и Ужаса и она не имеет ничего общего с секретом.

Тайны доступны, они на расстоянии вытянутой руки, — однако взыскуют особого вопрошания и потому, Сокрыты; секрет же связан с технологиями и манипуляциями, он не обладает глубоким самобытием, но запрятан подалее от очей...

Тайну очень часто путают с секретом.

...Символ, чаще всего, прочитывается в принципе «от Общего к частному» — и тогда первое: снятие мета переживания, «мета вкуса» Знака и попытка также целостно выразить сие в первом Логосе (притчей, мифом, особым сокровенным словом...).

И, только после, идет его разложение на варианты «лучей прочтения» (как белый свет раскладывается призмой на спектр), их дальнейшее объяснение друг через друга...

Измерение Демиурга предполагает злые колки «да — нет» и натянутые на них струны значений и пониманий.

Символ не может жить в таком душном месте; он начинается с «Белой Нежности» распознавания «третьего решения» и потому озвучивается посредством парадоксов.

Локальная, вульгарная, конкретика и Знак — вещи несовместимые.

Книги типа «Энциклопедия символов», а также — статьи в Википедии о них, совершенно бесполезны и не несут никакого знания, хотя бы отдаленно указующего в океанос живых арканов. Они худо-бедно латают дыры в бессмысленном перманентном зуде «а что же это?!» и на какое-то время успокаивают волны компенсаторных сосущих усилий похотливого интереса.

Символ не понят, вообще не понят, позитивной наукой; а в новейшую эпоху он сведен к примитивной пошлости «торговой марки» бренда...

Символ — есть своеобразный Узел светоносных состояний-смыслов, то есть, в определенном роде, — он «тело» Божества.

У него имеется свой сущностный Центр с вертикалью базовых связей в парадигме Священного Древа Трех Миров; а также — множественная игра Лучей, которые, пересекаясь с Лучами, других Символов, образуют все новые узоры соотношений и коннотаций: «Подвижное в Подвижном».

Все совокупье сего Великого Узора проявляется спонтанно, но не произвольно: присутствуют разные меры Иерархий — и «Все во Всем» предстает как чудо запредельного Храма; причем каждая конкретная Традиция обладает своими уникальными особенностями этих ритмов организации Сакрума; есть и общие моменты; но, точно — нет места произвольной прихоти большой фантазии (ведь она транслирует не Язык определенного Порядка (именно так еще можно выразить срединный Мир Знаков), а хаос — количественный аспект дурной множественности, в котором Символы жить не могут: им там негде и нечем дышать).

...Для того, чтобы начать действительно познавать Мир Символов, необходимо самому преобразиться в Символ: перестать оперативно галлюцинировать иллюзией своего независимого самосуществования; нырнуть всем телом пластиковой куклы в Великий Растворитель Пустого Истока; сойти пеплом опавших листьев в прах надежд и страхов, — ... — и восстать сызнова веерами голографических росчерков Пустого, то есть Прозрачного (то есть: Блаженства вне привязанности), Света.

Символ не висит в небе «нигде» в тупости изолированного одиночества: он дышит через мириады других Символов.

Касаясь к одному Знаку — мы трогаем все.

И это действие весьма реально яростью причины наших судеб.

...Попытка объяснить, прочесть, узор вышитого рушника или сорочки, есть самонадеянная тупость и наглость, оскорбление символов, которые, впрочем,

плевать хотели на таких исследователей и на их пародию жестов. Знак НИКОГДА не указывает на то, что можно узреть из окна автобуса, едущего сельским проселком; «что вижу — о том пою», подходит только для иллюстраций мест отчаяния наших алкашей; никакой там «ромб с точечками» никогда не обозначал «засеянное поле», а «крест в круге» — ни разу не «солнце» (и даже, если «солнце», то не то, которое можно узреть глазами)...

Евангелия (а тем более, Апокалипсис): образы, притчи, невнятные намеки...

Впрочем, про чтение и осознание Символов сказано там предельно ясно и четко: «Много званных, да мало избранных».

Сводить послание Нового Завета к простому набору этических и моральных норм и установок — пошло. Пошло: и тем не менее мир толпы пошел, зверям в шубах только и понятны четкие директивные команды; как только Церковь простерла длань в народ, вступила во взаимодействие с державой — стала вынуждена «объяснять фехтовальные фигуры через работу ложкой в тарелке»...

Знание можно передать, стараясь разъяснить, имея ввиду опыт вопрошающего; раскрывая ему суть на множестве конкретных ситуаций и примеров; в конце концов — погружая в различные ванны опыта...

...существует еще одна, очень сущностная форма, Передачи Знания — через Символы и Знаки.

Символическая Передача, некая мизерикордия огненного кинжала милосердия, явленная нам в помощь теми, кто давно вышел за рамки банальной человечности.

Она — Калинов Мост на Тот Берег.

Который, в истинном смысле, всегда «этот», ибо нет «того», «этого»; но при всем этом — живые существа выбирают страдать, — потому поток и таинство Символической Передачи не прекращается...

Все может начаться, когда взойдет Черное Солнце; когда сгнившее мясо отпадает от костей; смрад начнет как-то неуловимо соскакивать в благоухание; а Ночь войдет в фазу тотальной темноты:

Себя теряя — обрету:

Душа вольется в Пустоту.

И сокровенный Тайный Свет

Заполнит Знаньем омут лет.

*Написано без усилий
16 апреля – 2 мая 2016 года*